
„Молодая гвардия"
ПИОНЕР
18
П 29
34
Двухнедельный детский журнал

СМЫЧКА № 6

Международная детская неделя

Что нам делать — Наш отряд за год

Заветы Ильича выполним

Быт — В клубе — Дома

Работа — Недостатки

Фондовая комиссия — Лагерь не пропал даром — Связь с деревен. отрядом — Так нельзя

Смена смене идет — Частушки — Почтовый ящик

Как строить стенгазету

Нельзя делать стенную газету очень большой и нельзя делать ее слишком маленькой. Лучше всего, если газета будет иметь в высоту (вместе с заголовком) 1 метр и в ширину 1,5 метра. Выше метра газету делать нельзя, потому что ее трудно будет читать.

Заголовок должен занимать не меньше $^1/_4$ высоты газеты. Можно сделать постоянный заголовок на фанере, или на картоне. Кроме букв в заголовке очень хорошо сделать еще и рисунок. Заголовок газеты нужно делать крупными, четкими буквами. И вообще все заголовки статей и отделов нужно делать так, чтобы они бросались в глаза. Хорошо через газету писать лозунги той кампании, которой газета посвящается. Лозунги надо подбирать короткие—иначе буквы будут слишком мелкие.

В газете должны быть рисунки, иллюстрирующие статьи. Если в отряде нет ребят, умеющих рисовать, можно, в крайнем случае, (хотя это нежелательно) наклеивать рисунки, вырезанные из журналов, но нужно подбирать не слишком мелкие.

Статьи не должны быть длинными. Строчки в длину не должны иметь больше 15 сантиметров. Писать газету на машине очень нежелательно; гораздо лучше писать от руки, крупно и четко, буквы должны иметь в высоту около половины сантиметра. Расстояние между столбцами надо делать не меньше 3 сантиметров. Статьи следует помещать в газете так, чтобы не оставалось пустых мест. Если почему либо этого добиться не удалось—на пустое место надо поместить рисунок.

Можно рисовать на газете большие рисунки «под текстом». Для этого, пока газета не написана, рисуют бледными тонами. Затем, когда высохнет, пишут сверху, по рисунку статьи.

Когда газета готова, на расстояние между столбцами наклеиваются полоски цветной бумаги; вместо этого можно провести кистью цветные полосы.

Ребята!
„Пионер“—журнал наш—
Составляется пионерами.
Укрепляй его!
Повышай тираж
Всеми мерами!

Каждое звено
Иметь „Пионер“ должно
Трешница на полгода
Немного деньжат
Стыдно не иметь журнал
на отряд!

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—5 р. 60 к.
„ 6 „ —2 „ 95 „
„ 3 „ —1 „ 55 „
„ 1 „ — „ 60 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Москва, Н. Площ. 6/7, Из-во „Молодая Гвардия“

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

№ 18 25 Сентября 1925 г.

О чем нужно подумать

Всем известно, что пионердвижением нужно перерабатывать в коммунистическом духе все подрастающее поколение СССР. Втягивая в пионеротряды детей рабочих и крестьян, надо постепенно охватывать своим влиянием и детей торговцев (особенно мелких) и других. Однако, на практике с этим вопросом дело обстоит печально.

В газете «Искра Ильича» рассказывается следующий случай.

Приходит мальчик к вожатому отряда и просит принять его в пионеры.

— Кто ты такой?—важно спрашивает пионерское начальство.

— У меня нет отца,—рассказывает мальчик,—а мать торгует на базаре яйцами и овощами. Сам я учусь в «хедере». И вот решил поступить к вам в отряд. Очень прошу принять меня.

— Мы детей нетрудового элемента не принимаем.

Что мог ответить мальчик после такого грозного и краткого заявления самого вожатого? С тяжелым чувством он тихо ушел к себе домой.

Вечером явилась с базара его мать, грязная, запыленная и злая. Ведь за день она еле заработала кусок хлеба. А тут еще сын пристал: «Перестань, мама, ходить с кошелками на базар. А то говорят, что мы буржуи и что меня нельзя в пионеры записать».

А желание участвовать в общественной жизни крепко засело в голове у мальчика. Он жаловался в ячейку комсомола, но и это не помогло. Остался единственный путь — насолить пионерам.

И вот он собирает группу таких же обиженных комсомольским вожатым ребят, становится во главе своего собственного отряда и начинает свою многостороннюю деятельность. Эти отважные молодцы под руководством своего «атамана» разбивают стекла в школе, срывают сборы отряда и т. д.

Этот сын торговки становится в глазах пионеров и вожатого уже преступником.

На сборе отряда обсуждался вопрос, как сделать этих ребят безопасными. Сыплются разные предложения и о приглашении милиции, и об устройстве кулачного боя (у кого, мол, кулаки покрепче), и так далее.

И когда на сборе отряда одна маленькая пионерка попросила слова и тихо заявила: «А ведь этот мальчик раньше к нам просился, почему же мы его тогда не приняли»,—то вожатый цыкнул на нее и заявил:—«Бандит не может быть пионером».

Мы привели этот интересный факт для того, чтобы сказать всем пионерам:—надо подумать о приеме в пионеры тех ребят, которые тянутся сами в отряд, хотя их родители относятся к нетрудовым элементам (мелкие торговцы и т. п.). Таких ребят ни в коем случае нельзя отталкивать от пионеротряда.

Шура Волков

Н. Богданов

Рис. А. Соколова-Аси

I. Конкурент

Лязгом колес, скрипом арбы, руганью, перетуками, переливами голосов поет базар.

— Груши, груши, пять копеек, только пять—ходи, заходи.

— Халва миндальная, скандальная. Денег не жалей-ка, штука копейка.

Вывертывают друг перед другом, каждый по своему щеголяя.

— А вот холодныэ водээ,—тянут слепцами мальчишки в разных концах и голоса их плывут по-верху, легкие и слышные из всего шума. Белая, густая пыль грязною татарскою шалью окутывает низину базара.

А севастопольское темно-синее море устало вздыхает в тесной артиллерийской бухте и мертвыми остекляневшими глазами смотрят из воды тела медуз.

Море вдыхает липкую вонь базара и пытается уйти торопливыми позеленевшими валами из бухты.

Далеко легкими тенями мелькают крылья парусников и быстро проскальзывают дальше в северную, в южную мимо глазастых бойниц крепости, далеко от базара.

И ветер дует с моря и не пускает дальше шум базара, и толчется он, и будоражится в затхлой котловине.

Небо низкое жаркой крышкой захлопывает котловину и душит.

— А вот холодныэ водэ-э,—тоскуют голоса ребятишек.

Вдруг необычайный мотив опутал, смешал этот тоскующий ровный напев.

— Вот холодная—холодная вода, эх, вот холодная,—чечеткой, с подголоском в конце, вывел чей-то звонкий голос.

Перепутались голоса, чутко прислушивались водоносы к новому голосу, сбегались в кучки, шептались:

— Кто?

— Откуда?

— Гришка, с корабельной стороны.

— Не, с ремесленной улицы. Пацан.

Вопрос большой, ведь, кто-то хочет урвать кусок и без того скудного дохода. Волнуясь, скучились у старых железных барж.

— Пацаны,—поднял руку тонкий рыжий парень,—пацаны... Он стукнул ведерко о земь.—Слушайте, пацаны. Уговор блюдете, торговать будете, а нет, пропадете.

— Знаем давно.

— Этого пацана надо отшить.

— Отучить, отбрить его!—загалдело собрание, замахало руками и взбудоражило пыль.

Конкурент, держись.

2. На «хрусталке»

— Черный, никого нет.

— Нет.

— Отойдись.

Коричневый паренек сразбегу подскочил и, перевернувшись щуренком, рассек гладь воды. Обломки скал причудливо нагромоздились здесь и с двухсаженной высоты страшно прыгать, когда видишь дно, а до него еще два сажня. Не вода, а хрусталь, и зовут это место, у входа в артиллерийскую бухту,—хрусталкой.

Дно здесь каменистое, и камни курчавые в зелени, и стаи рыбешек то выбегут, то прячутся в водорослях. В тихую погоду долго можно лежать и смотреть на их резвые игры.

Стаи ребятишек постоянно кишат здесь, юлят среди взрослых парней, подобострастно липнут к Морякам и с завистью поглядывают на уступ скалы, где сидит Щерба со своим помощником Писом.

Толстый Щерба поблескивает на солнце своей медной шкурой, лениво щурится и листает кожаную тетрадь. На груди Щербы развернул могучие крылья орел, выпуклый, живой: сорвется, крикнет и уйдет в синь, тоска ему сидеть на жирной груди противного рябого Щербы.

Кроме орла, у Щербы на левой руке маленькая тонкая женщина и все, зато Пис весь пестрый, все

произведения татуировки на его теле рекламируют искусство Щербы.

Здесь и якоря, и целые корабли, гербы, флаги, виды моря, женщины, рыбы, гады, здесь ласточки и жуки, а на спине целая картина, где сирена играет на свирели, а Моряк слушает и волны ласкают песчаную отмель.

Потому и Пис, что исписанный от головы до пят, не Пис, а выставка. Белый он и слабый и перед Щербой, как лист. Он носит за ним припасы, тетрадь рисунков, наколку и чернила, а Щерба носит только деньги, и жадно ловит Пис пущенный вертушком двугривенный. После хорошего заработка скалит гнилые зубы и вьется вьюном. Так и кажется, хвоста только нет, завилял бы.

Моряки, простые и военные, приходят к Щербе, долго смотрят кожаную тетрадь и, нахмурившись, подставляют грудь, руку. Щерба накалывает артистически, с любовью, лицо его оживает, но не верится, что эти могучие орлы, быстрые ласточки и тонкие женщины выходят из-под его скрюченных лап.

Пацаны трутся около, смотрят и, запуская руки в пустые карманы, подавляют вздохи.

— Эх, вон тот бы якорек.

— Ласточку бы...

— Щерба, сколько за якорек, маленький...

Щерба презрительно смотрит и цедит—полтинник. Кончено. Торговаться пацану нельзя. Пис поддаст пониже спины ногой и попадешь прямо в хрусталку.

К удивлению окружающих, спросивший панцу не отошел сконфуженно в сторонку, а вынув круглую блестящую монету, поднес ее к тупому носу Щербы и сказал:

— Сработай якорек.

Скоро наколка Щербы жадно впилась в свежее тело сквозь наложенную тонкую бумагу с рисунком, а паренек сидел и не вздрагивал, только сжал губы.

— Это тот самый, с ремесленной.

— Ага, он, ишь чорт, заработал.

— Постой, заробишь якорек.

Перешептывались водоносы, жадно следя за тем, как рука парня вздувал со синими бугорками после окончания операции.

— Готово.

— Получи.

Паренек бережно понес руку сушить.

3. Когда ревет ревун

Небо светлое и прозрачно-голубое, как тело медузы. В бухте тихо. На приморском бульваре гуляет народ. Говорят, придет эскадра, и вот ждут. Солнце сошло с жары и веет холодком с открытого моря. Скоро закат, народ идет и заполняет бульвар.

Внизу, на камнях, плещутся ребятишки, забираются на каменные барьеры и прыгают через камни в воду.

Особенно приезжие дивятся на их ловкость.

Якорек на руке высох и коричневый парень тоже здесь. А кучка водоносов следит и ходит за ним по пятам.

— Моряк, здорово.—Подошел к коричневому папиросник и потянул руку из-за лотка.

— Эх, у тебя якорь.

— Якорь,—согласился моряк и посмотрел на руку.

— Сколько?

— Полтинник.

— Ну?

Да я заробил малость, с водой вышел. Около двух сторговал.

Глаза папиросника расширились.

— Двух рублей, а?

— Ну, да.

— На воде? Да это я лоток расшибу.

Друзья уселись на барьер и папиросник стукнул лотком, точно правда хотел расшибить его, засаленный, грязный с обшарканными пачками папирос.

— Мы ему расшибем, два рубля урвал,—скрипели зубами водоносы.—Два рубля.

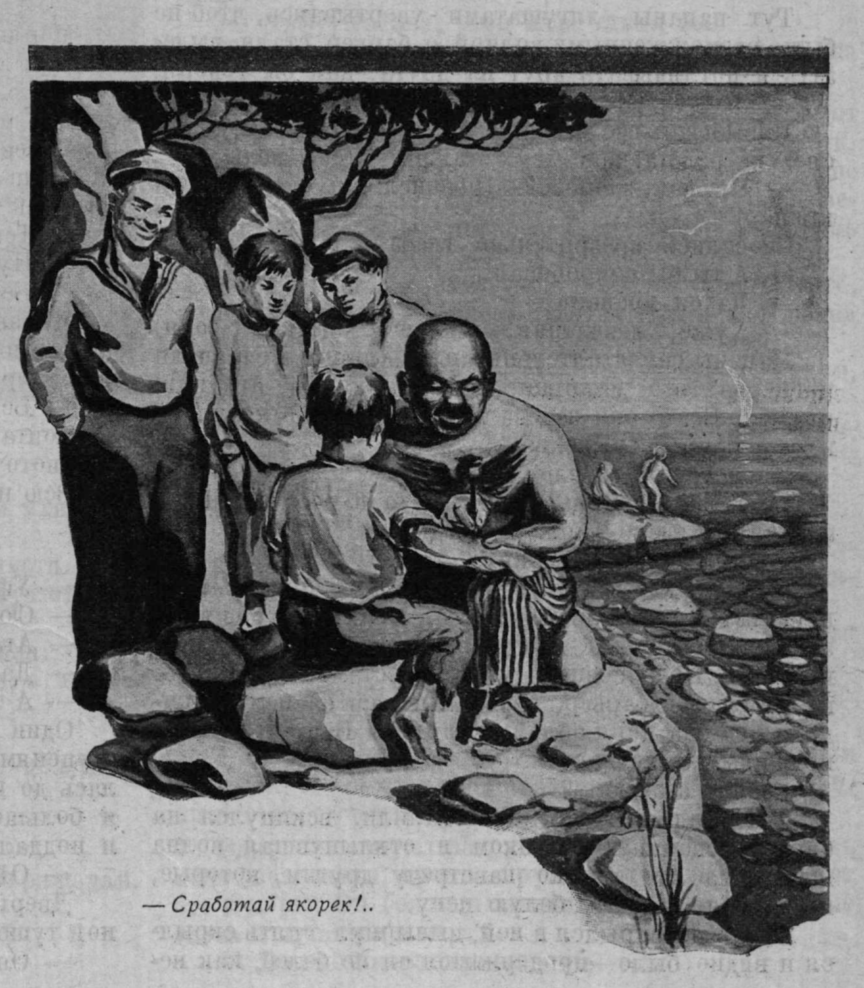
Море вдруг почернело и застонал ревун, будто тоже пожалел два рубля.

Ребятишки, кувыркавшиеся на камнях, насторожились.

Ревун застонал сильней и протяжней.

— Ого, неужели ветер... донеслось из публики.

— Должен быть...—сказал в ответ уверенный морской голос...

— Сработай якорек!..

И ревун стал жаловаться громче и громче и скоро заревел протяжно, нудно, со вздохами.

Ребятишки убрались с моря и засели на барьере, свесив ноги. А в открытом море побежали барашки. И там, куда шло солнце,—потемнело. Ветер осторожно пробежался по верхушкам деревьев и потом подул порывисто горячий и нервный.

На камни выбежала косматая волна и ухнула, обдав мелкими камешками барьер.

Ребята визгнули и в этом визге послышалось одобрение с нетерпением.—А ну, еще, а ну, скорей.

Вторая волна дошла, третья хлестнула подальше, а четвертая ударила прямо в лоб барьеру и взметнула вверх стену брызг. Пацаны едва усидели. Папиросник оттащил коробку, накрыл ей свою одежду и морякову и оба уселись в трусах, готовясь к буре.

Ревун заревел понастоящему и скоро публика жалась дальше от барьера, где волны стали ударяться в его упрямый лоб и взметывать столбы выше барьера, выше деревьев. Волны ухали и бросали мелкий камень с такой силой, что он ранил лицо. Тут ребята не вытерпели, вперебой вскакивали они на барьер и изловчались бросаться в отходящую волну, пролететь ее и попасть в идущие и бороться и визжать, как дикарята. Публика смотрела на их игру и возгласы удивления и страха вырывались у всех.

А ревун не ревел, а орал отчаянно и крик его рвал уши, и волны глушили своими ударами, и гудел крепкий лоб барьера, едва выдерживая и отбивая вверх столбы бешеной воды.

Тут пацаны, лягушатами увертываясь, чтоб не быть размозженными волной о барьер, стали вылезать и поглядывать друг на друга, как бы говоря:

— Это уж чересчур.

Повылезли все и стали греться и одеваться, косясь на взлетающие двух'этажные стены воды.

— Ну, как, здорово?—Подошел к кучке пацанов пионер.

Скосились презрительно глаза.

— А ты бы попробовал.

— Да он москвич.

— Хуже, девчатник, вместе с девками они.

Пацаны самостоятельные и отчаянные не терпели пионеров: это паиньки, прилизанки, в игрушки играют. Везде они задевали пионеров и относились к ним с пренебрежением.

Пионера это задело.

— У нас разницы нет, девчата и ребята равны, а что я не трус—можете убедиться.

В ответ кто-то фыркнул.

— А ну, кто купаться,—весело предложил пионер и, скинув одежду, легко побежал к барьеру. Рев волн заглушил его слова, да пацаны и так бы не решились полезть. Почерневшее море хлестало огромными валами через барьер, переламываясь на нем, выкидывая со дна моря обломки камней. Вылезть обратно живым было нельзя.

Ребята ахнули.

Тот, над кем они зубоскалили, вскинулся на барьер, сверкнул клубком и отхлынувшая волна швырнула его далеко навстречу другим, которые, не доходя, рушили белую пену.

Смельчак скрылся в ней, вынырнул, опять скрылся и видно было—продержится он не более, как несколько минут, а потом море изорвет его в куски о камни.

— Назад, назад,—заорали пацаны,—держи право, право держи... к купаньям, где лесенки. Здесь убьет.

Буря заглушала слова. Пионер крутился на одном месте, не решаясь плыть или выбраться через барьер, но вот он поплыл.

— Куда, погибнешь,—замахали ребята.

— А-а!—закрыли глаза ребята и отшатнулись, боясь, что их обдаст кровью.

— Жив, жив, вон он!

— Держись там—гаркнул Моряк, и прошиб головой гребень волны. Он пырнул еще раз, вот они вместе, вот отгребаются от опасного места.

— К купальням, к купальням, Моряк.

— Он знает, смотри...

Моряк греб изо всех сил и видно было—почти тащил пионера к безопасному месту. Пацаны бежали к купальням, валила публика.

— Сюда, сюда, поналяг.

Моряк налегал, но волны сбивали, захлестывали и выматывали силы. Вот он ближе, вот попал удачно с попутной волной, вот еще ближе. . . . .

. . . .

На ступеньки Моряк взобраться не мог, дрожали колени и все мускулы. Чьи-то сильные руки подняли и прислонили к стене.

— Молодец.

Взглянул и видит—форменки, клеш и два загорелых лица. Военморы. Они взялись за пионера и скоро он ожил, нахлебался таки порядком.

— А все-ж деляга,—судачили пацаны.

Моряк отдышался и поплелся домой.

Как он исчез—никто не заметил. Только три тени скользнули следом. Город навстречу тьме выставил огни, она бушевала, ярилась, и жалобно ревел ревун. Моряк шел, качался, хватался за стены, снова шел. Кривые, узкие переулки без огней, жуткие, как кладбище. А следом три тени.

— Теперь справимся.

— Ну, сразу.

— Бей.

Моряк почуял удар, отскочил, хотел защититься, дать отпор, но мускулы не слушались, он осекся и со второго удара упал на колени.

— Бей...

Топтали ногами, визжали и рвали, как волки больного медведя.

Всю ночь ревел ревун.

4. В кротовой норе

— Уфф!—дошли.

— Сюда?

— Ага.

— Да не пролезешь.

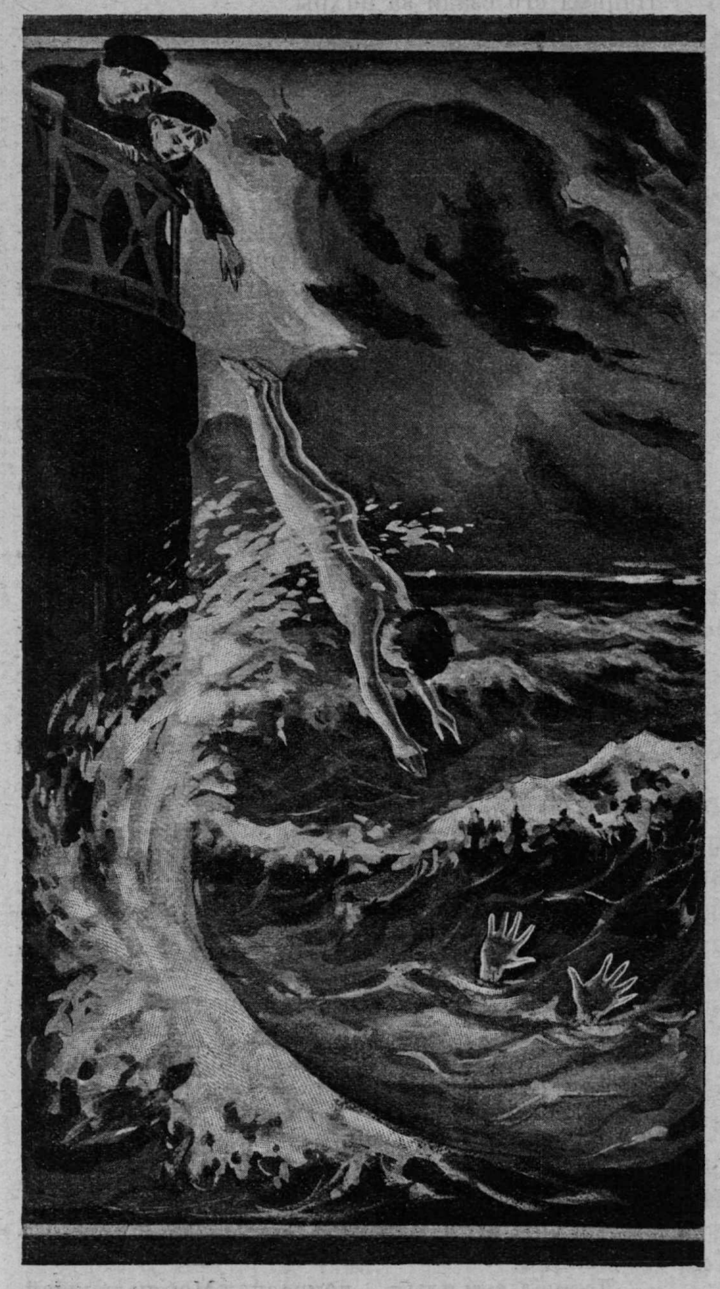
— А ты боком...

Один из говоривших задом спустился вниз по ступеням и ногой толкнул дверь, но дверь отворилась до половины, а там уперлась во что-то мягкое и большое. Человек удивленно поглядел на дверь и поддал ее ногой по-футбольному.

— Ой, батюшки.

Дверь отворилась и тут же закупорилась огромной тушей.

— Опять полунощник, волосянки хошь.

—Держись там,—гаркнул **Моряк.**

Огромная рука высунулась из двери и ухватила незнакомца за чуб.

— Стой, ведьма... что ты ослепла... пусти.

Услыхав вместо ожидаемого писка густой бас, карающая десница опустилась.

— Кто это, господи. С нами крестная сила.

— Башку за волосы хотела отодрать, а теперь крестная сила.

— Батюшки.

— Да вовсе и не батюшка, разгляди получше, парня вот возьми...

— Ой грехи, что-ж это?

— Помяли его малость, отойдет.

— Так и знала, так и знала, родимец его ращепай. У, громовой осколок.

— Да тише ты, куда его положить-то?

— Неси сюда, неси в комнату.

— Попробуй пронеси, в три погибели согнулся и не влезу. Тьфу... в комнату... в кротовую нору легче влезть...

После таких злоключений «тело» Моряка было пропихнуто внутрь и уложено в том самом углу, где оно обитало и раньше в более живом виде.

Принесшие так и не влезли в комнату и тетя Мавря их не видела, разглядела только ноги в матросских клешах.

Она взглянула раза два на племянника, раза три зевнула, покрестилась столько же, и ровно один раз, но с толком, с чувством, с расстановкой почесав поясницу, опять улеглась и задавила своей тущей дверь и захрапела богатырихой.

Солнце долго карабкалось на бугры. Первым увидел его часовой батареи, охраняющей вход в бухты Севастополя. Он встрепенулся, промялся и повеселел, а потом, взглянув на узорно золотое море, крякнул:

— Ишь, хвороба.

Тут проснулся Моряк и тетя Мавря вместе.

— Ты это што?—грозно вопросила тетя Мавря.

Моряк потянулся, пощупал ребра.

— Вздули вчера, водоносы, доход отбил, а они мне бока.

— Ох, горюшко ты мое, безотцовщина. И чего с тобой делать, мать ты в могилу свел и меня...

— Для тебя могилы такой нет и гроба подходящего.

— Тьфу, сатана, отец язва такая был.

Тетка хлопнула дверью и покарабкалась на улицу.

— Вот чорт, я ее в могилу?.. Да и мать-то не от меня померла. Моряк вспомнил—жили тоже так, только просторней было, мать много-много тоньше была. День стирает, ночь стирает, утро стирает, вечер стирает, а по воскресеньям ходит в церковь и плачет.

Он себе день в бухте, ночь в бухте, утро в бухте, вечер в бухте. Прибежит, схватит кусок, иногда два и ходу.

Раз прибег так, а вместо матери тетка Мавря, торговка.

— Мать?—мать,—говорит,—три дня схоронили, а ты мать спрашиваешь. Да не реви, кормить буду,— и сунула хвост селедки.

Так и зажили в тесноте и в обиде.

Моряк попытался встать. Кости ныли и поджилки дрожат, кое-как, сперва на карачки, сел на скамейку.

Глянул в окно—серый каменный бугор и в мусоре спит котенок.

Стало тошно и голодно. Пошарил еды—ни болячки.

— Эх!—Моряк заерзал на лавке и отвернулся от отца. По жилам пошла тоска и кругом мутно, ничего не хочется, пропадай все.

Вдруг он почуял на руке якорь и представилось ясно: волосатая, крепкая рука тоже с якорем ведет его к морю. Он бежит и заглядывает в прищуренные глаза и путается в ногах.

— Вон мой корабль—видишь.

Отец поднимает на руки и кажет сыну море, а морю—сына. И пяти лет он уже знает—он Моряк и отец как-нибудь не только покажет издалека, но возьмет его с собой и даст морю сбрызнуть соленой водой, приобщить к гневу и ласке своей.

Но этого так и не случилось. Не успел отец приготовить замену, взяло его море навсегда.

Остался сыну портрет, да заповеданье—итти к морю. А труден путь к нему одному.

Много добился сын—Моряком все ребята зовут, якорь на руке, а вот на корабль попасть, на корабль...

И опять по жилам огонь:—пробьюсь, не я буду. Все равно в море, а не в кротовой норе сдохну. Эх... море...

Сорвался, пнул дверь.

И кротовая нора пуста.

5. Эскадра пришла.

Как она пришла, никто не видел—только вдруг с Графской—теперь с пристани III Интернационала—потянуло по улицам военморами.

— Это «Коминтерн», а первый к нему—«Шмидт».

— Нет, вовсе «Незаможник».

— Верно, «Шмидт» другого типа.

Стоял с друзьями на каменных ступенях пристани и впивался глазами.

А громадины кораблей стального цвета спокойно и стройно рисовались на рейде, поблескивая ярко-красной ватер-линией.

От них до пристани резвились легкие военные шлюпки. Загорелые ребята выскакивали на берег и, видимо, с наслаждением скакали по ступеням, разминали ноги.

— Куда топаем?

— В парк.

— В клуб.

И уходили, далекие и недоступные. Какое им дело до пацанов, что пялят зенки на море и разевают рты на тонные форменки.

Долго стоял Моряк на пристани, заглядывал в глаза, хотел заговорить, но ничего не удавалось. Дождался, когда шумливый, чванливый буксирка подкатился к выточенному, каменному «Коминтерну», забежал так и эдак, потом зацепил его канатом и, важно надуваясь, потащил в южную бухту. Буксирка гугукал, пыхтел, выходил из себя, встречаясь с другими кораблями,—словом, преувеличивал свою роль. «Коминтерн» тянулся нехотя на неприятную канитель — погрузку угля — и свысока поглядывал на взбалмошного буксирку.

Моряк понял его и рассмеялся.

Вечером город блестел огнями и военморами.

Для них открыт приморский бульвар, для них играет музыка вальсы, для них разрядились городские девчата, а в морском клубе имени лейтенанта Шмидта улыбается афиша черной рожей.

— «Красные дьяволята».

Для военморов кино.

Моряк тут. Несколько раз впирался, хотел пройти и каждый раз контролер подставлял коленку и легонько отстранял:

— Не лезь.

А ну попытаю еще раз. Опять замешался в белую массу военморов.

— Ты куда?

Цапнул его сзади за вихры.

— С вами охота,—взмолился Моряк.

Уцепивший взглянул на пацана и увидел в его глазах столько обиды и просьбы, что размяк:

— Иди под крыло,—он обнял его рукой и контролеру бросил:

— Со мной.

И контролер стал не страшный, а даже ласковый.

У Моряка забилось сердце и сперло дыхание и почуялся отец и рука крепкая, с якорем, как у него.

Поднимались по лестнице, а по стенам, корабли старинные, новые, картины морских боев, карты, якоря.

Вдруг Моряк очнулся; прямо на него шли два пионера.

Пропал, конечно, сейчас подойдут,—а ты зачем? Ты, пионер?—нет, и выгонят.

Хотел спрятаться, нырнуть под скамейки. Но они вот рядом.

— В лепешку расшибу—не уйду,—стиснул зубы, сжал кулаки.

— Здорово.

У Моряка глаза вылезли вон: пионер отдал ему салют.

— Здорово. Не угадаешь, а я тебя запомнил хорошо, в бурю-то тогда плыли...

— А-а...—у Моряка в висках застучало. Пионеры уселись рядом.

— Ты как тут?

— Я... я... тут.

— Мы звеном пришли, наше звено «Краснофлотец», мы тут часто бываем.

— Я не часто.

— Ты что же тогда удрал-то, я слышал, тебя поколотили.

— Их трое, а я один, да устал еще тогда,—оправдывался Моряк,—а то бы я...

— Тебя ведь те моряки и подобрали, которые там были.

— Я не разглядел...

Из клуба шел Моряк вместе с пионерами.

Спасенный им оказался сам вожатый звена «Краснофлотец».

— Это вот, ребята, парень, который меня спас,—представил он.

— Да врет, сам плыл,—покраснел Моряк до ушей.

— А ты хороший парень. Почему ты, брат, не пионер?

Моряк смутился окончательно.

— Да я... это—ну как им сказать, что он их считает, во-первых, чистоплюйчиками, во-вторых, бездельниками, только и знают вырядятся, да с барабаном по улицам — чик, брик — ненашинские. Им в игрушки играть, а ему—в моряки.

— Ты зря, ты вот ходи к нам чаще, право, пионером будешь.

— А хочешь, мы на корабль завтра войдем—приходи.

— На какой—удивился Моряк.

— На «Коминтерн», моряков навестить, наше звено имени крейсера «Коминтерна», пойдем, право.

Моряк и слова вымолвить не мог.

— Пойдешь, значит?—перебил вожатый звена,—завтра в 10 утра.

(Окончание следует)

К. Муран

Прежде и теперь

Дым густой над промыслами,
Ветер, солнце и песок,
Трубы черными рядами,
Да горланистый гудок.
Крыши плоские. Напевно
Муэдзин поет вдали.
Плещет море. Ежедневно
Отплывают корабли.
Черный город. Мутны взгляды,
Вдалеке простор волны—
Виноградная прохлада:
Мардакьяны, Бузовны,
Жили тут миллионеры,
Но... задали стрекача...

И теперь здесь пионеры
Славят в песнях Ильича.

Что такое Мардакьяны,
Вряд ли знают москвичи.
Там цветет гранат румяный,
Много персиков, алчи.
Гнутся лозы винограда,
Виснет лапчатый инжир.
Пил тут в летний зной прохладу
И заводчик, и банкир.
И любой, пожалуй, верил,
Что для них сады цветут,

А теперь здесь пионеры
В дачах Нобеля живут.

Клумбы пестрые, дорожки—
Под ногой хрустит песок,
Бонна здесь кричала:—
„крошки,
Рвите с клумб любой цветок".
И веселые барчонки
Рвали пышные цветы
И бежали вперегонки,
Чтобы бросить их в кусты.
И ворчал садовник серый:
„Сколько цвету извели"...

А теперь здесь пионеры
Сами клумбы развели.

Машут ветки, как живые,
И прохлада, и уют,
Тополя сторожевые
В ночь аллеи стерегут.
Тут гуляли до рассвета,
Как хозяева земли,
Нефтяные короли.
И, уставши утром серым,
Грузно падали в диван.
А теперь здесь пионеры
Бьют в походный барабан.

Чтоб до старости глубокой
Жить средь неги без трудов,
По обычаю Востока
Все владыки промыслов
После крепкого портвейна
И прогулки по коврам
В чистых мраморных бассейнах
Освежались по утрам.
А потом, спустив портьеры,
Все ложились мирно спать.

А теперь здесь пионеры
Практикуются нырять.

Виноградная беседка
(Посидеть в ней каждый рад):
Виснут бархатные ветки,
Виснет сочный виноград.

На столе вино и сласти,
В карты, крупная игра—
Промыслов бакинских власти
Проводили вечера.
Выпив дюжину сверх меры
Часто звали в помощь слуг.

А теперь здесь пионеры
„Пионер" читают вслух.

Промысла — разработка нефтяных месторождений.

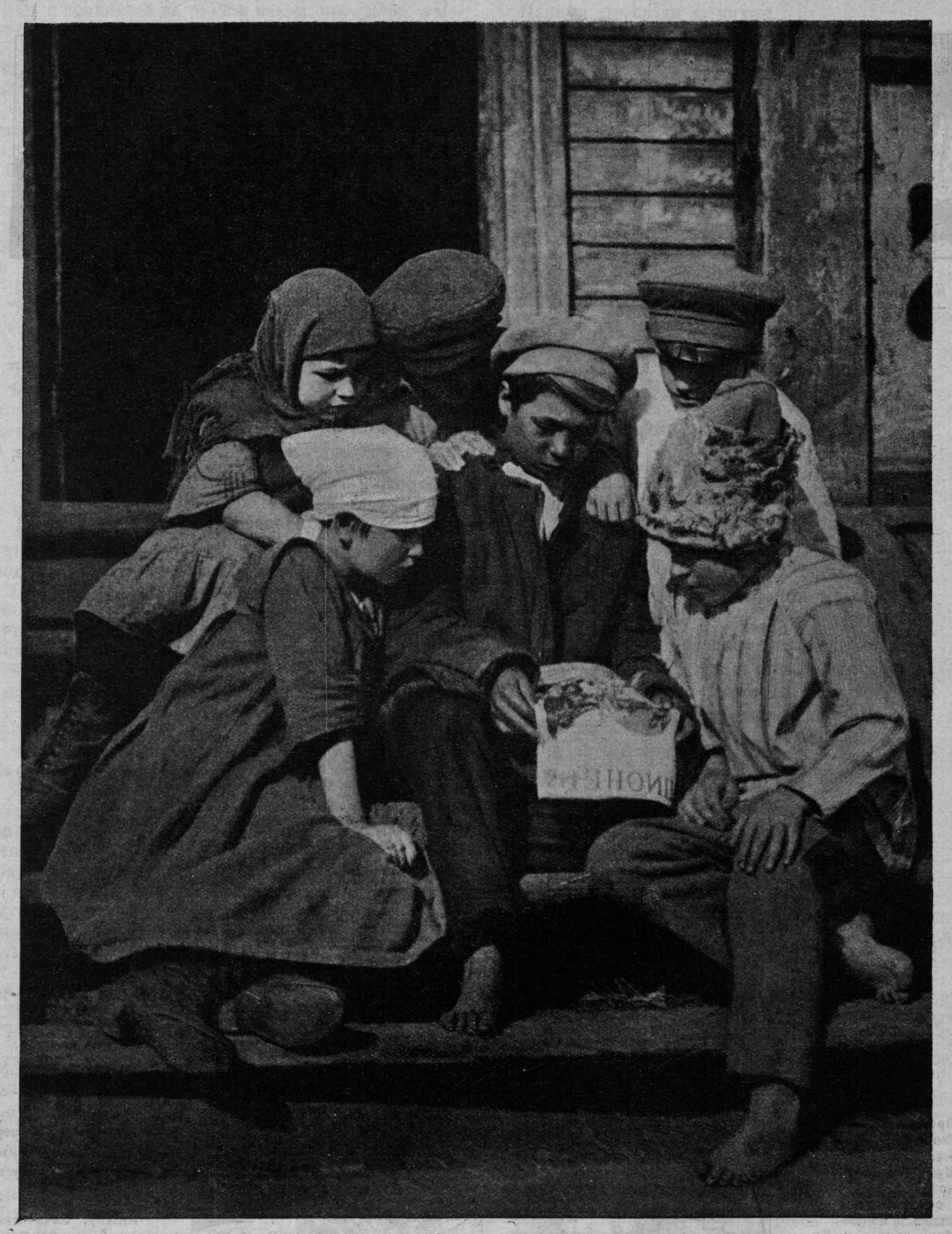
Муэдзин — мусульманское духовное лицо, созывающее богомольцев в мечеть.

Мардакьяны и **Бузовны** — дачная местность близ Баку.

Нобель—миллионер, владелец нефтяных промыслов в Баку до революции.

Инжир, алча—плоды, растущие на Кавказе.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПИОНЕРЫ ЗА ЧТЕНИЕМ.

Фотография П. Романова.

Я. Смоляров

Не забудем о клубе

Кто из нас не знает, как хорошо бывает в нашем пионерском клубе зимой, когда в морозный вечер пионеры дружною семьей собираются для того, что бы выслушать беседу вожатого, поиграть в различные игры, поделиться впечатлениями о школьной учебе, помочь друг другу в занятиях.

Если в отряде есть хороший клуб, одна—две комнаты, то такому отряду, конечно, легче работать, и сбор отряда регулярно проводится, и звенья собираются во-время, и родители знают, где их дети проводят свободные часы и чем заняты. А если еще клуб отряда помещается вместе с рабочим-комсомольским клубом, тогда завязывается дружеская деловая связь юных пионеров со взрослыми рабочими организациями.

Вот почему необходимо сейчас же все силы направить к тому, чтобы отряд имел свой клуб, имел свое место, где бы постоянно и регулярно проводил работу.

Кто должен и может помочь пионерам в организации своего клуба

Создать, наладить работу клуба—не легкая штука. Одни, своими силами, при самом большом желании, пионеры, конечно, не сумеют. Вот почему важно сделать так, чтобы в этой работе пионерам была оказана помощь. Это могут сделать ячейки комсомола и партии, фабрично-заводские комитеты, месткомы. Но раньше, чем пионерам прийти к своим старшим товарищам с какой-нибудь просьбой по организации клуба, нужно в отряде точно составить план того, что для этого дела необходимо. Совет отрядов должен составить смету продумать каждую мелочь, которая нужна для клуба, тогда, конечно, легче будет разговаривать, да и товарищам в ячейках будет ясно, в чем именно отряд больше всего нуждается. При составлении сметы надо помнить, что все в клубе должно быть прочно и просто, часто мы в отряде можем найти много ненужных вещей, мебели, а в то же время нет в отряде вешалки, нет шкафа для хранения имущества, игры куплены не все те, которые необходимы.

Основа клуба, его простота и практичность

Клуб пионера—дом пионера, вот лозунг, который мы должны помнить. В свободные часы пионер, уходя в клуб, должен там находить уют, удобства, такие условия, какие помогли бы ему в его работе. Ну, а как у нас обстоит дело с внешним видом нашего клуба? Очень плохо, клуб еще внешним видом не привлекает ребят, часто висят в нем лозунги и плакаты по году, а то и больше, комнаты без мебели, негде посидеть, почитать, свет в клубе тусклый. Можно ли в таком клубе вести серьезно работу? Конечно, нельзя, и бывает все это потому, не только, что не хватило у нас денег, а потому, что просто не подумали мы об этом, не составили точного плана оборудования клуба, вообще мало внимания обратили на обстановку, а ведь на примере нашего клуба, на примере жизни юных пионеров должны учиться неорганизованные ребята-школьники и, если в такой неорганизованный клуб, беспорядочный, грязный придет новичок, то, конечно, ему здесь не понравится. На примерах чистоты и аккуратности в клубе должны учиться и сами пионеротряды. Вот почему отряд, обдумывая план своей зимней работы, как действовать в школе, как вести работу по оздоровлению, как втягивать в ряды пионеров неорганизованных ребят, не должен забывать и маленьких вещей у себя в клубе, которые имеют большое значение. Пусть в нашем клубе будет одна комната, но пусть эта комната будет обставлена простой и прочной мебелью, пусть все в ней будет на своем месте, пусть будет она украшена чистыми, аккуратными рисунками и лозунгами самих ребят. Лампочка, вешалка, половичок для вытирания ног, стулья, столы, необходимые для работы—все это должны помнить пионеры, создавая свой клуб.

Как же надо работать в клубе

Мы видим часто отряды, где есть и мастерские, есть уголки,—одним словом, все то, что необходимо, но нет в работе этого клуба самого главного: ребята, которые живут близко, не организованы в пионерский отряд, бегают часто вокруг этого отряда, а об отряде ничего не знают. Ну, а как отряд? Делает ли он что-нибудь для того, чтобы вовлечь этих ребят к себе? Нет. Замкнулся он в стенках своего хорошего клуба и этим доволен. Это неверно! Нужно добиться того, чтобы наш клуб, то место, где живет и работает пионерский отряд, стал центром детской среды, все взоры, все интересы детей не-пионеров, живущих близко вокруг отряда, должны в клубе найти помощь, не отгонять, не отталкивать ребят от работы в клубе, а широко открыть двери его для всей окружающей детворы,—вот что должно явиться нашей задачей.

И есть такие отряды, которые так поступают. Вот в одном отряде разукрасили свой клуб, вывесили лозунги даже на стенах, выходящих на улицу, один день в неделю оставили для того, чтобы привлекать в клуб неорганизованных ребят, и добились пионеры этого отряда того, что пять десятков неорганизованных ребят полюбили пионерский клуб заинтересовались пионерским движением и вскоре вступили в ряды пионеров.

Н. Огнев

ГАЛСТУК ТИНГ-Ю

В большинстве областей Китая бесчинствуют наемные армии китайских генералов, которые беспрерывно воюют между собой. Жалованье солдатам генералы почти не платят и солдаты грабят почту, железные дороги и мирных жителей.

Генералов этих поддерживают английские и японские капиталисты: им выгодна междуусобица в Китае.

Только армия народно революционной партии Гоминдан, которой принадлежит власть в Кантоне, защищает интересы трудового китайского народа. Солдаты Гоминдана носят красные галстуки, в отличие от других солдат.

1

Поросенок был сморщенный, весь в засохшей красной глине, зато очень веселый. Мальчик звал его: Хай-Хай. Эти слова ничего не значили, но поросенку они нравились, и в ответ он звал мальчика—Хыр-Хыр. Эти слова на поросячьем языке, должно-быть, значили очень много, потому что поросенок называл так и пищу, и питье, и мальчика, и воду на рисовой плантации, и все остальное.

Отец мальчика, пока не пропал, жил на плоту. Плот ходил по каналу, на плоту стоял шалаш из бамбуковых палок, стоял еще насос с длинной кишкой, из которой отец поливал плантацию. Мать жила на самой плантации, в таком же шалаше, только с подставкой и лесенкой, а мальчик Тинг-Ю жил то у отца, то у матери, и тогда у него был свой маленький плот, который мог заходить в тесные канавы, куда отец на большом плоту проникнуть не мог. Потом все куда-то пропало—и отец, и плот, и насос. У Тинг-Ю осталась мать. Мать сказала, что отца убили солдаты. Она была слабая и больная, поэтому мальчику осенью пришлось сначала сжать, а потом заливать из черпака небольшой участок под посев риса и пустить туда мальков, чтобы к весне из них подросла крупная рыба. Так делал отец на большом поле, тоже сделал на маленьком, совсем пустяковом участке и Тинг-Ю. Он много трудился, и за это мать принесла ему поросенка.

У других мальчиков и девочек не было поросят, хоть они и работали над своими крошечными полями не меньше, чем мальчик Тинг-Ю. Этой осенью пришлось много трудиться всем детям, потому что взрослых женщин осталось совсем мало, а мужчин не осталось вовсе. Одни ушли с солдатами сами, других солдаты увели насильно, а многие попали под шальные пули во время перестрелки на Большом Канале, который кормил их в течение жизни, а потом стал их последним, безмолвным жилищем. Рису тоже осталось немного на всем побережьи Большого Канала—все отбирали солдаты—и рис, и свинину и сушеную рыбу—всю пищу, которую находили, отбирали солдаты.

Солдаты были такие же китайцы, но они шли с ружьями и с восхода, и навстречу восходу, стреляли друг в друга и грабили и уничтожали все, что попадалось под руку. Поэтому дети Большого Канала—и девочки и мальчики—очень боялись солдат и при их приближении разбегались и прятались, кто куда мог.

А больше всех боялся солдат мальчик Тинг-Ю; не за себя он боялся, а за маленького своего друга, за поросенка Хай-Хай. Поросенок был совсем крохотный, но Тинг-Ю знал, что солдаты, увидев, убьют поросенка на пищу и тогда для Тинг-Ю пропадет все веселье солнца, вся игра Большого Канала, все счастье воздуха и земли.

2.

Солдат не было видно всю зиму; весной в участке Тинг-Ю подросла рыба, а по Большому Каналу стали все чаще и чаще проплывать парусные джонки, барки с грузом и даже небольшие пароходы. Ребятишки на побережьи насушили рыбы, от'елись, осмелели, стали устраивать сообща набеги на остатки плантаций сахарного тростника на том берегу Канала, и даже добрались однажды до дальней цепи холмов.

В этой прогулке участвовал и Тинг-Ю. За последние дни он все чаще и чаще убегал из шалаша, не забывая каждый раз привязать поросенка к подставке шалаша на длинную веревочку. За зиму поросенок значительно вырос, покрылся редкой щетиной, но из-за недостатка пищи совсем не толстел, и даже растерял куда-то свое веселье. Но Тинг-Ю любил своего поросенка все также и продолжал его считать своим другом, не забывая делиться рыбой и сахарным тростником. Тинг-Ю было известно, что друзей нужно кормить.

Во время прогулки Тинг-Ю отбился в сторону от остальных ребят. Тинг-Ю любил кувыркаться, поэтому на вершине холма он встал на голову, шлепнулся спиной на траву, опять встал и опять шлепнулся. На акробатическом языке такие упражнения называются «кульбитами», но Тинг-Ю было все равно, как это называется, просто он кувыркался все быстрей и быстрей, пока не скатился к подножью холма, прямо в густую заросль кустарника. Там Тинг-Ю вскочил на ноги и от удивления вытаращил глаза: перед ним торчала большая зеленая пушка с разбитым колесом. Сначала Тинг-Ю испугался так, что потерял все звуки и слова, бывшие в его распоряжении; но потом, увидев, что людей кругом нет, Тинг-Ю испустил пронзительный, восторженный вопль;

остальные ребятишки подбежали и долго рассматривали невиданное вблизи зрелище.

— Это — большое ружье солдат, — таинственно сказал Тинг-Ю. —Они заряжают его железными горшками и стреляют в людей.

— Это не ложь, а правда,—ответил другой мальчик Хан-фу.—Горшки эти прыгают по земле, как Вамба-лягушка и хлопают громче, чем молот по свае.

Девочки молчали. Может быть, им не было страшно, но сказать было нечего—жизнь китайских девчат бедна словами.

Ребята присели у орудия на корточки—такая манера у ребят всего мира—не только у китайчат—и долго рассматривали пушку, боясь дотронуться до нее руками. А орудие подняло свой зеленый хобот к небу, присело набок на разбитое колесо и зловеще молчало.

— Если бы у меня был железный горшок, я бы выстрелил им в солдата,—неожиданно сказал Тинг-Ю.

— Солдат много, — заметил Хан-фу.

И в ответ Тинг-Ю не знал, что сказать, потому что словами,—словами, а не мыслями, — бедны китайские дети с рисовых полей, потому что давно уже не стало взрослых, разговорчивых мужчин на берегах Большого Канала, и еще потому, что орудие продолжало грозно молчать, высунув в небо узкую, жадную пасть.

— А у солдат много больших ружей, — закончил Хан-фу.—И еще больше железных горшков и пуль, гудящих, как желтые мухи фи-Ха.

А так как солнце было еще высоко, и так как дома была сушеная рыба и не близок еще урожай риса, то дети с визгом, хохотом и криками полезли на одну из гор, катались в траве, лазили на карликовые деревья и отдыхали в тени больших буков.

И даже тогда, когда солнце стало против восхода и бросало на гору похолодевшие лучи,—дети не пошли домой,—так хорошо было в траве после пещер, шалашей, тяжелой работы и постоянного страха. И долго не пошли бы дети домой, если бы, как внезапный удар тропического грома из ясного неба, не раскатился по всей цепи холмов зловещий, знакомый грохот.

— Большое ружье,—прошептал Тинг-Ю.

— Солдаты,—крикнул Хан-фу. И белыми и желтыми комочками покатились ребятишки с холма—скорей, скорей туда, к Большому Каналу, где ждут плоты и спасение. Ведь, солдаты, солдаты.

Человеческое сердце, а особенно детское, быстро привыкает к страху, но привыкает оно и к покою, к миру, к работе,—и вот уже новыми, совсем новыми, никогда в жизни неслыханными, казались ребятам грохоты, залпы, выстрелы, заколотившиеся по побережью Большого Канала. Совсем недавно слышали это дети, но испугались, как нового страшного неизвестного, и — комочками, — с колотящимися сердцами,—к Каналу, к Каналу.

И—когда подбежали к Каналу,—заплакал молча Тинг-Ю. На том берегу уже были солдаты и тоже стреляли.

— Почему у тебя мокрые глаза?—спросил Ханфу, ловко управляя шестом на плоту. Хан-фу был спокоен и серьезен—нужно было добраться до берега, избежав пуль.

— Хай-Хай! Мой поросенок. Хай-Хай — сказал в ответ Тинг-Ю и утер лицо маленькой, грязной рукой.

3.

На рисовом берегу солдаты появились так же неожиданно, как и за цепью холмов. Но те, что шли изза горной цепи, были должно быть сильней, потому что быстро переходили через холмы, швырялись железными горшками, и уже переплывали реку на барках, джонках и плотах. Тогда солдаты с рисового берега бросились бежать, топча недозрелый рис. Были они недолго, солнце не успело спрятаться в землю, но солдаты успели ограбить и обобрать в прибрежных шалашах все дочиста—и рис, и сушеную рыбу, и чай.

Тинг-Ю добежал до своего шалаша как раз в то время, когда один из солдат спорил о чем-то с его матерью.

Мать не соглашалась, слабо кричала и махала руками. Солдат поднял ружье со штыком, ткнул матери в грудь, мать упала у лесенки в шалаш.

Тогда солдат рывком дернул за веревку, тем же штыком проткнул визжавшего поросенка, поднял высоко в воздух и побежал вслед за своими.

ФОТО-ГАЗЕТА ПИОНЕРА № 18

Жертвы панского террора

Т.т. Рутковский, Гибнер и Книевский.

В борьбе с коммунистической партией буржуазное правительство Польши пользуется испытанным средством царизма — провокацией. 3 рабочих-коммуниста, Гибнер, Кничевский (член ЦК Польского Комсомола) и Рутковский делали попытку убить провокатора Цехновского. Многочисленный отряд полиции обстрелял их, раненых арестовали и избили в полицейском участке. Панский суд приговорил их к смертной казни. Осужденные коммунисты геройски встретили смерть. Они отказались от того, чтобы им завязали глаза. Тов. Гибнер, обращаясь к солдатам, сказал: «стреляйте, ребята, метко, учитесь на нас стрелять, чтобы суметь потом метко стрелять в буржуазную сволочь». Речь его произвела сильное впечатление на солдат.

Одновременно был присужден к смертной казни и комсомолец Ботвин, которому удалось убить провокатора Цехновского.

Память о погибших героях будет вечно жива в сердцах рабочего класса всего мира.

Избиение тов. Дорио

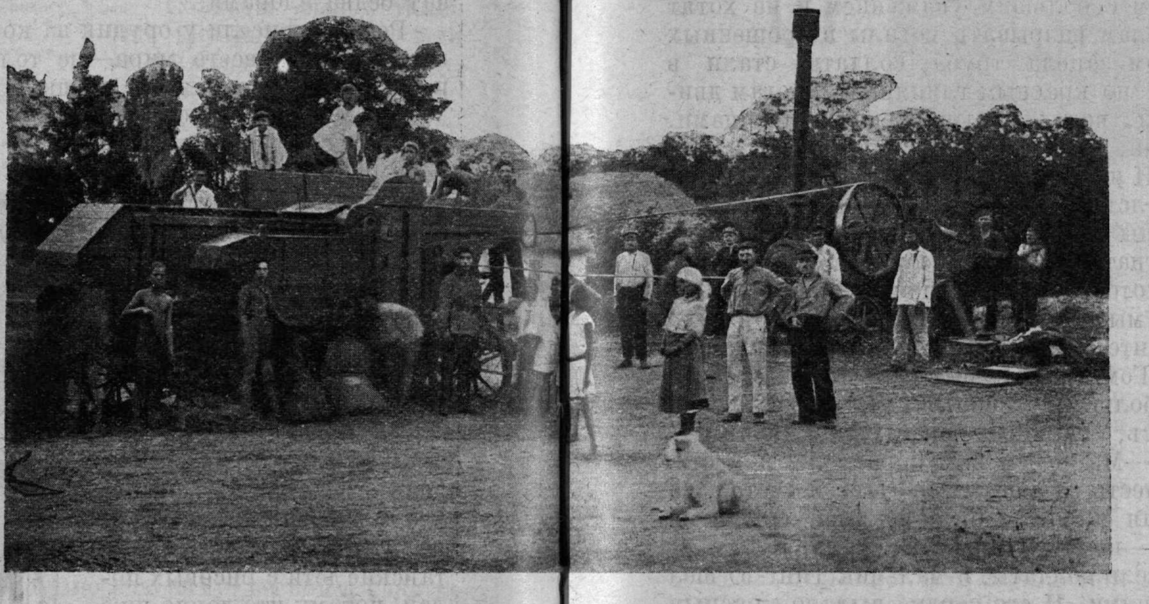
Тов. Дорио, вождь Комсомола Франции, член ЦК Французской коммунистической партии, выступил

Тов. Дорио.

на демонстрации в Марселе. Полиция жестоко избила рабочих-демонстрантов, и в том числе т. Дорио, несмотря на то, что он, как депутат парламента, пользуется неприкосновенностью.

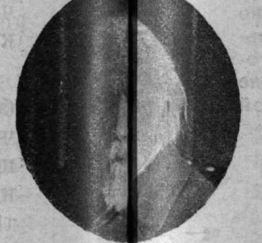
Пионеры помогают уборке урожая

Пионеры г. Бирзулы авт. Молдавской ССР на молотьбе в союзе.

200 лет Всероссийской Академии Наук

В начале сентября в Ленинграде состоялось торжественное празднование 200-летнего юбилея Академии Наук. От имени правительства СССР

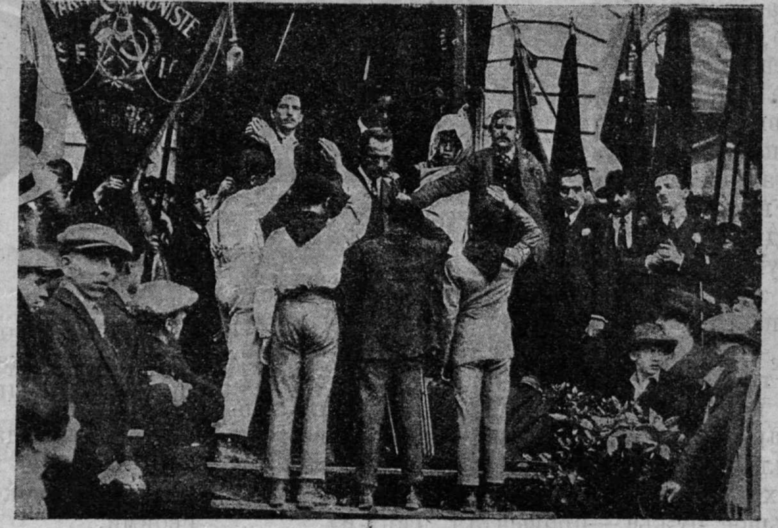

А. П. Карпинский, президент Академии.

приветствовали Академию всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин и наркомпрос т. А. В. Луначарский. Академия переименована во всесоюзную. Участие в торжествах принимали приехавшие с этой целью десятки крупнейших иностранных ученых из Европы, Америки, Индии, Монголии, Японии и т. д.

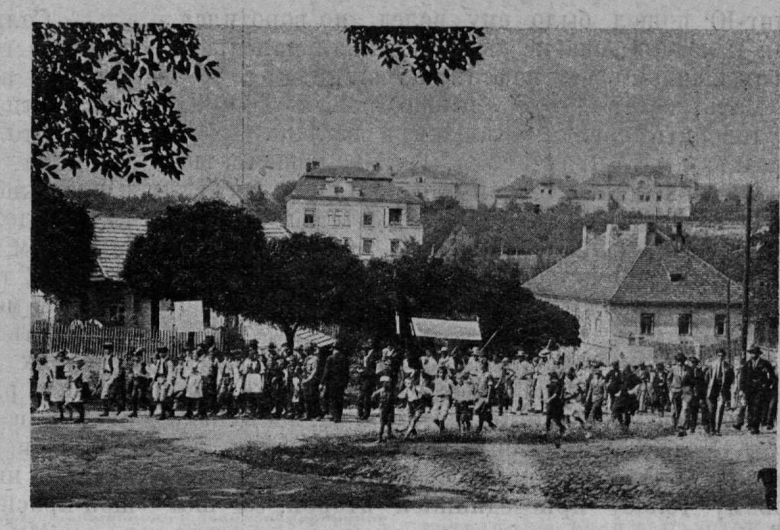
В честь юбилея состоялись торжественные заседания Ленинградского и Московского Советов с участием академиков и иностранных ученых. Тт. Зиновьев и Каменев в своих докладах призывали ученых рука об руку с рабочим классом работать на благо Советской страны.

Вручение знамени французским пионерам

На коммунистическом празднике в предместье Парижа.

Международная Детская Неделя

Урожай

В нынешнем году, после 2-х неурожайных лет, наконец, советская страна добилась хорошего урожая. Урожай достигает 4 миллиардов 100 миллионов пудов хлеба, выше уровня довоенного 1913 года. Урожай в значительной мере превосходит потребности СССР в хлебе. Остается излишка около полумиллиарда пудов хлеба. Советское правительство организует продажу излишков хлеба заграницу. Европейские страны, которые нуждаются в привозе хлеба, как, напр., Англия, убедятся на опыте в том, что Советская республика умеет производить в избытке, и что лучше жить с ней в мире, налаживая с ней торговлю, чем искать с ней ссоры.

Всесоюзный автомобильный пробег

В конце августа и начале сентября происходил всесоюзный автомобильный пробег. Автомобили должны были проехать путь от Ленинграда до Тифлиса и обратно. Пробег должен был показать достоинства и недостатки различного рода автомобилей. Десятки иностранных фирм прислали сотни своих автомобилей и лучших гонщиков для участия в пробеге. Наше советское автомобильное производство еще молодо. Тем не менее, на пробеге грузовиков лучшие качества показали грузовики советского завода «АМО», изображенные на фотографии.

„Историческое“ перо

В одном из музеев Донбасса хранится изображенное здесь достопримечательное перо, которым в про-

шлом году был подписан англо-советский договор. У англичан еще до сих пор сохранилась «традиция» подписывать важные государственные договоры гусиным пером.

Тинг-Ю пошел было ему вслед, но воротился, приник к матери; она не дышала, такая маленькая и слабая в синем своем кафтане из нанки.

— Мать, встань,—еле слышно сказал Тинг-Ю, боясь говорить громко:—пойдем в шалаш.

А так как мать не вставала, Тинг-Ю пошел в шалаш один, но не нашел там ни рыбы, ни рису. Он вернулся к матери, сел и стал безучастно глядеть в землю. Они сидел так долго пока не стало совсем темно, пока не кончились выстрелы и где-то неожиданно близко запела труба. Вслед за трубой раздался голос:

— Эй, жители, выходите!—кричал кто-то в темноте.—Выходите, вам не будет сделано вреда. Давайте рис, пшеницу и рыбу в обмен на настоящие доллары. Поделитесь с воинами Гоминдана!

Должно быть никто не выходил, потому что к первому голосу присоединился второй, за ним третий.

— Не бойтесь, жители, ничего. Мы прогнали трусливых наемных лисиц, и они не будут вас больше грабить. Смело несите нам подкрепляющую пищу.

По всему побережью загорелись костры и осветили множество солдат. Не получая ответа, солдаты направились к хижинам и шалашам. Один из них набрел на молчаливого Тинг-Ю.

— Что же ты не отвечаешь,маленький человек?—шутливо спросил солдат.—Ты немой?..

Тинг-Ю молчал, потом заплакал тихо и беспомощно. Солдат взял его на руки, поднес к огню костра.

— Вот этот человек не хочет разговаривать,—сказал он товарищам.—Должно быть, он немой.

— Я говорю,—неожиданно для самого себя ответил Тинг-Ю.

Солдаты засмеялись. Один сказал:

— Тогда скажи нам, почему нам не дают в этой деревне риса и рыбы? Почему все попрятались?

— Вы же солдаты,—прошептал Тинг-Ю.

— Но мы не такие солдаты,—ответили сидевшие у костра.—Мы воины Гоминдана. Мы красные галстуки. Ты не слыхал про красные галстуки.

— Солдат ударил холодным ножом мою мать прямо в грудь,—упрямо ответил Тинг-Ю.—Солдат унес на ноже моего поросенка Хай-Хай. Солдаты убили отца. Солдаты взяли весь рис и всю рыбу.

— Это не ложь, а правда,—сказали сидевшие у костра, и огонь играл на их ярких галстуках.—Юнаньские *) лисицы всех убивают и выедают все дотла. Надо накормить ребенка, так как он голоден.

Утром солдаты пошли к матери Тинг-Ю и сожгли ее, так как она была мертва, а китайцы относятся к мертвым с большим уважением и не хотят позволять шакалам разрывать могилы в брошенных деревнях. Потом запела труба; солдаты стали в длинные ряды и по красным глиняным дорогам двинулись в поход, вслед за юнаньскими лисицами. Они шли и пели, и маленький Тинг-Ю шел и пел вместе с ними. И на шее Тинг-Ю был повязан большой красный галстук—такой же, как и у солдат.

— Мы—воины Гоминдана!—пели солдаты.—Мы идем, чтобы изгнать с наших рисовых полей пауков-капиталистов, которые пришли из-за моря. Мы поднимаем оружие, мы нападаем, мы вступаем в бой ради свободы! Эй, идите с нами! Мы—воины Гоминдана!

— Я—воин Гоминдана!—пел мальчик Тинг-Ю.—У меня на шее большой огненный галстук! Эй, эй, эй!

— Берегитесь, наемные юнаньские лисицы!—пели солдаты. —Мы несем вам поражение и месть. Да, мы несем месть за убитых братьев и сестер, за разоренные поля и сожженные шалаши бедняков! Потому что мы—воины Гоминдана.

Так шли и пели солдаты, и мальчик Тинг-Ю шел и пел вместе с ними. И его сердце пылало красным огнем вместе с большим галстуком, потому что Тинг-Ю твердо знал, что кому-то здорово попадет за отца, за мать и за маленького, бедного поросенка Хай-Хай.

*) Не так давно в округ Кантона вторглась так называемая юнаньская армия. Эта армия состояла тоже из китайцев, но вооружена была на средства английских капиталистов. Юнаньцам на короткий срок удалось занять город Кантон. Но гоминдановцы не только изгнали юнаньцев из Кантона, но после короткого преследования, забрали большую часть юнаньской армии в плен.

Над. Ландская

В ДЕРЕВНЕ

Травы к ночи дышат свежей влагой,
Запах крепок, голову кружит.
Стихла сразу шумная ватага,
Не кричится вечером во ржи.

Молча пыль тревожат мальчуганы,
Слышен только шорох быстрых ног.
Кто с котомкой,кто в сермяжке рваной,
Только каждый молчалив и строг.

Хлеб недвижен в предвечерней дрёме.
Над рекой костры уже горят...

Были нынче в городе, в укоме,
Организовать хотят отряд.

Обещали... улыбались с лаской.
На неделе вожака пришлют...
Ночь покрылась алою повязкой,
Нижут звезды за петлей петлю.

И, как звезды, замерцали взгляды:
— Вон, навстречу партия валит.
— Знать, заждались... То-то будут рады.
— Всем в охотку пионером быть.

НАША ЖИЗНЬ

В сосновом лесу на просторе

(Лагерь юных пионеров Сормовского завода)

Привольно раскинулся наш лагерь на Моховых горах недалеко от Нижнего. С издавна считаются они фабриками здоровья. Кругом сосновый лес расположился на небольшой возвышенности.

Рядом протекает Волга.

Здесь отдыхают дети сормовских рабочих, которые в дымных и душных цехах, у своих станков не пожалели все устроить для ребят.

Утро... Палатки пионеров белеют на солнце. Их 24. Недалеко разместилась кухня.

Здесь уже орудует целый отряд, помогая во всем кухарке. Вот десяток ребят, запрягшись в тележку, везут бочку с водой. Они дежурные. «Ванька, тяни, тяни сильней, на кочку не попади», кричит старший из них. И полная бочка подвозится к кухне. Девочки, разместившись около котлов, мешают и разводят кофе.

Время приближается к 7... Сигнал... Заспанные рожи пионеров начинают понемногу показываться из своих палаток. Жмурятся от яркого солнца... Протирают глаза... «Вставай в строй», раздается голос вожатого.

В середине лагеря выстраиваются. Пошли... Подходя к Волге, бегут по песку к воде. У каждого зубная щетка, мыло, полотенце. Шум и плеск кругом. Выкупавшись идут заниматься физкультурой.

В восемь часов чай... После, уборка палаток. Слышатся остроты пионеров о прошедшей ночи. Кончивши с уборкой идут или на исследовательские экскурсии, или же расходятся по лесу. Пение, крики, ауканье, смех по всему лесу раздается. Некоторые, поймав ужа или ящерицу, спрятавши ее с свою кепку несут в лагерь, где помещают его в особый ящик, или как его шутливо называют «зверинец».

За час до обеда идут опять купаться и принимать солнечные ванны под руководством врача. Здесь под искрящим солнцем плавают, плещутся, прыгают. Затем прямо из воды в горячий песок. Десятки уже загорелых ребят нежатся, балуясь друг с другом.

В урочный час идут обедать. Дежурный на кухне

ВЕЧЕРОМ

Скот вогнали. Вечереет,
За горами солнце село,
Зорька с запада алеет,
Но, а небо еще бело.
А потом погасла зорька,
Небо больше все темнеет.
Из-за дальнего пригорка
Южный теплый ветер веет.
Вот расселись на завальне,
Старички ведут беседы:
О хозяйстве, о работах,
Разговор ведут соседы.
Но на небе затемнело,
В хатах огоньки зажглись.
Мужики тут посидели
И домой все разошлись.
Золотистая луна
Над землею засветила
И при лунной светлоте
Так-то тихо, так то мило.

Пионер **И. Фомин**

Председатель ЦИК СССР т. Файзулла-Ходжаев преподносит знамя узбекским пионерам.

отряд приготовляет тарелки, ложки, хлеб. Звучит сигнал, созывая ребят. Немного усталые, но веселые с загоревшими спинами садятся к столу. С большим аппетитом начинают обедать.

После обеда—«мертвый час». Не привыкши к нему дома, они плохо его исполняют.

Особенно интересно проходят пионерские игры после чая. На них ходят часто крестьянские ребятишки из окрестных деревень. Пионеры радушно их встречают. Играют в баскет-бол, крокет, гандбол и другие игры.

Хорошую картину представляют наши беседы у костра. Он находится посредине лагеря. «Довольно спать, давай чихать, апчхи, апчхи...» раздается ракета после ужина и ребята, усевшись потеснее, приготовляются слушать рассказы из жизни старого подпольного работника.

Горит костер... Пламя его освещает насторожившиеся лица пионеров. Уж больно интересны эти беседы. Некоторые невольно содрогаются при каких-нибудь страшных эпизодах. А вокруг, помешивая костер палкой, ходят несколько дежурных.

Незаметно время доходит до десяти.

«Пионеры, к салюту приготовтесь»—раздается голос вожатого. И под барабанный бой, звук сигналов торжественно спускается флаг.

После этого сон. Угомонившись, засыпают.

Тишина... Ночь... Крик совы... Лишь только трое пионеров поддерживают костер, который своим светом освещает силуэты палаток.

Пионер **А. Шульц**

Пионеры Узбекистана. Пирамида.

За Байкалом

Дорогие товарищи, пишу вам из далекого, далекого Забайкалья.

Про Читу, наверно, слыхали. Так вот от нее к западу на верст 70 находится рабочий поселок — Дровяная—называется.

Среди гор и лесов, сейчас поредевших, стоит она. Каждый день слышен:

Тук... тук... тук...—это работает лесопилка.

Здорово работает. Сейчас, когда я пишу, в две смены работает. Но это недавно, а то совсем стояла. Химзавод—один из лучших заводов на Дальнем Востоке—тоже идет. Электростанция—вот и вся наша промышленность.

А в 1920 году, когда кровожадный зверь «атаман» Семенов рвал в клочья рабочую грудь Забайкалья — многие наши рабочие ушли партизанить.

Одни горы, тайга знают, сколько тяжестей пришлось вынести им.

Но прошла пора. Мрачная была пора. Сейчас другое.

Вот около школы вьется «красная ленточка»—это пионеры.

Сейчас у нас 65 пионеров.

Прошлым летом ходили в лагерь.

Хорошие дни были.

Теперь имеем свой клуб.

Нынешним летом были в лагерях целые $3^1/_2$ недели. Остро стоял вопрос о средствах для лагеря.

Но ничего, вышли из этого положения. Комсомольцы, партийцы, профсоюзники пошли навстречу.

Сделали воскресник — заработали 110 рублей.

Убюро прислало 170 рублей. В общем, лагерь вышел хорош. Ребятишки рады.

Плохо то, что пионеры никакой общественной работы не вели в лагерях—далеко стояли от деревни. Она велась внутри лагеря. Были маленькие недочеты в начале проведения лагеря, но потом исправились. Сейчас все вернулись домой. Помогают родителям.

Сенокосы, страда прошли. А там закрутит наша забайкальская зима.

Загонит она пионерию в клуб, и ее работа пойдет своим чередом.

Юнкор **П. Космачев**
Ст. Дровяная, Читинской ж. д.

УТРО

**Я встал сегодня рано,
Проснувшись на заре,
А солнце из тумана
Уж начало гореть,
Горит и брызжет светом,
Льет золото в поля,
И утру улыбается
Счастливая земля.
Я тоже улыбаюсь,
Горю в огне лучей,
Одевшись, собираюсь
В мой сад бежать скорей.
Там верно ждет меня уже
Подсолнух золотой,
От ветра тихо кланяясь
Тяжелой головой.
Возьму рукою ловкою
Лопату я свою,
Работая с сноровкою,
Я песню запою.
И ветер песню звонкую
Со мною запоет,
И по степи развеет,
И дальше понесет.**

Пионер—**М. Куприянчик**

Жизнь в лагере

Наш Перовский отряд № 103 и отряд № 13 Сокольнического района поехали вместе в лагерь на станцию «Рыбное». Туда мы прибыли 5 июля в 5 часов вечера. На станции нас встретил отряд пионеров деревни «Рыбное».

Живя в лагере, мы помогали крестьянам в сельском хозяйстве. Мы испололи шесть десятин капусты, свеклы и проч. Первый раз при выходе на работу крестьяне смотрели на нас недоверчиво, но, видя, как мы полем капусту Комитета Взаимопомощи, стали относиться дружелюбнее.

Каждое звено у нас было связано с какой-либо общественной организацией, например: ВИК, сельсовет, клуб и т. д. Наше звено «Безбожник» было связано с ВИК'ом и сельсоветом. Там мы писали окладные листы, чертили схемы и вообще делали ту работу, какую могли сделать.

По окончании работ, нам дали хороший отзыв о нашей работе.

За время пребывания в лагере мы устраивали вечера смычки с деревенским отрядом. Эти вечера мы проводили хорошо: были выступления физкультуры, частушки, декламация как со стороны наших ребят, так и деревенских.

Уезжая из лагеря, мы устроили прощальный вечер совместно с деревенским отрядом.

Пионер отряда 103
20/VIII—25 г. **Ваня Темненков**

Тоже экскурсия

На 11 августа 1925 года сасовским учкпрофсожем назначалась экскурсия пионеров в Москву, на которую были приглашены пионеры со всего участка. Невольно приходится отметить в экскурсии, как гигиенические условия, так и другие. Во-первых, в вагоне спали на голых полках, так что у некоторых пионеров после экскурсии болели бока. Во-вторых, ходили по городу и делали по 20 верст. На ночь вагон запирался, и пионеры выпрыгивали ночью для исправления естественных потребностей в окно вагона. Еще были нехороши отношения самого вожатого отряда тов. Барковского. Когда пионеры спрашивали вожатого, кем он является в отряде, тогда пионеры слышали ответ: я администрация... На последнем заседании совета отряда стали выяснять результаты экскурсии: все пионеры говорили за то, что ни одного места не посетили такого, которое касалось бы жизни пионеров, как например, посмотреть редакцию журнала пионера и также барабана и показательные отряды юных пионеров г. Москвы. Прежде чем делать такие экскурсии, пусть бы учкпрофсож ст. Сасово договорился с дорпрофсожем, и дорпрофсож давал бы такие путевки, которые бы интересовали пионеров. И учкпрофсож позаботился бы в свою очередь назначением соответствующего вожатого отряда юных пионеров, который относился бы к пионерам, как к младшим братьям, а не как администратор.

Участники экскурсии

Устраивают санитарную выставку.

Своя автономия

Там, где волны о. Иссык-Куля лижут песчаный берег Кайсары, раскинулся пионерский лагерь — его окружает изгородь из джарганака (колючки), смастеренная самими же пионерами. В пионерах чувствуется бодрость, единство сплоченности между пионерами лагеря городской организации, но нет такой сплоченности между лагерем ю. п. и отрядом при детдоме им. Ильича, несмотря на то, что их интересы одни, а лагеря друг около друга шагах в пяти.

Почему такая несвязанность, почему пионеры отряда детдома сторонятся от пионерского лагеря, городской организации, почему нет единства, спаянности между двумя лагерями. «Нет, — но будет» — вот лозунг нашего времени.

Гор. Каракон Пикор **Касайринец**

Наш отряд в деревне

Наш 5-й отряд (Пионер-коммуна) им. Ново-Николаевского Губкома РКП города Ново-Николаевска для проведения летней работы выехал из города в деревню. Мы в деревне живем уже три месяца и за это время провели следующую работу: организовали отряд Юных Пионеров и ведем в нем работу; устраиваем совместно сборы отряда, где проводим беседы на различные темы, как, например, о юных пионерах, о детском движении, о законах и обычаях Ю. П. и другие. Кроме этого, мы с ними разучаем пионерские песни и поем, а также проводим разные игры. Крестьянские ребята очень этим заинтересовались. На занятиях звеньев у нас также почти всегда присутствуют крестьянские ребятишки, где мы им читаем из журнала «Пионер» о жизни пионеров других стран и кроме этого крестьянские ребятишки любят слушать рассказы. Для маленьких и взрослых мы устаиваем спектакли, но и в то же время стараемся привлечь ребят в пионеры. Мы помогаем сейчас бедным и красноармейским семьям в их работе. Этим мы показываем крестьянам на деле, кто такие юные пионеры, в то же время крестьяне убеждаются и отдают своих ребят в пионеры, чтобы научиться и быть хорошими работниками в семье.

Пикор **Ваня Зворыгин**

Песня лейся.

(Мотив « Дуньки комсомолочки »)

Мы ребят всех соберем
И вам песню пропоем.

Песня, лейся, песнь, звучи,
Ручейком катись, журчи.
Как в Астафьеве мы жили,
Как мы время проводили.

(припев).

Были веселы здоровы,
И к труду всегда готовы.

(припев).

Не смущались мы работой
И работали с охотой.

(припев).

Хороши были порядки,
Но все-ж были недостатки:

(припев).

Увлекал футбол нас очень—
Дулись мы с утра до ночи

(припев).

« Это знает уж весь свет,
Что футбол—огромный вред ».

(припев).

Так вожатая сказала,
На нас этим повлияла.

(припев).

С тех пор меньше мы играли,
Вскоре вовсе перестали.

(припев).

Лишь с футболом мы простились,
Тут увечья прекратились

(припев).

Стал отряд наш молодец...
Вот и песенке конец.

(припев).

Деткор УСПЕНСКИЙ.

49-й отряд юных пионеров имени товарища Буденного, Красно-Пресненского района.

Письмо из деревни

Дорогие товарищи, пионеры. Журнал мы ваш получили за № 11, за который благодарим. Вы не оставили нашу просьбу и откликнулись на наш отзыв. Вы нас просили написать, как у нас проводятся летние работы среди пионеров. До апреля месяца у нас в Бутчинском отряде юных пионеров велась работа хорошо. Устраивали собрания каждое воскресенье, занимались упражнениями физкультуры. Но с апреля месяца, когда бросили заниматься в школе и крестьяне стали пахать землю, пионеры стали заниматься по хозяйственным делам: подсобляли отцам.

Вот с этого-то времени не посещали пионеры собрания; если станут просить у отца на пионерское собрание, то его не пускают, а так говорят: «дела много, а вы будете ходить по собраниям».

Поневоле приходится не итти на собрание.

И вот с апреля месяца до 20-го июля не было ни одного пионера на собрании. Каждое воскресенье рассылаем повестки на собрание, но никто не приходит, потому что пасут лошадей. И вот так наш пионерский костер на все лето потух.

Экскурсий тоже не было ни разу, а почему это, вам известно: потому что некогда и не пускают родители.

Но игры пионеры любят. Каждое воскресенье, как только погоним лошадей на день,—собираются все пионеры в кружок и начинают играть в «кота-мышку», в чехарду, в швейку и т. д. Вот так каждое воскресенье устраивают игры. Работа на детских площадках тоже не производится и даже не знаем, как это делать. Если бы у нас была такая книжка, то мы разучили бы, как заниматься на площадках.

Так идет наша летняя работа пионеров.

Но зимой, когда пойдут пионеры в школу, пойдет работа лучше.

Пикор **В. Яшин**

Село Бутчино

Пионерская мастерская работает.

И. Оружейников

ВЕЛИКАЯ СТАЧКА

(Из рассказов о 1905 годе)

Россия была похожа на огромный котел, в крышку которого стучат, напирают пары и того и гляди разнесут ее вдребезги. Крестьянство задыхалось от недостатка земли и тяжести податей. Рабочие стонали от нищенской платы, изнурительных условий труда и постоянных издевательств хозяев. Затеянная в интересах кучки дельцов русско-японская война закончилась позорным поражением России. Под Цусимой—островом вблизи Японии—был похоронен почти весь русский флот; на сопках Манчжурии полегли десятки тысяч русского войска.

В темных невежественных массах еще теплилась искорка доверия к царю. Думали, что обманутый своими чиновниками, он сам всей душой лежит к народу. Кровавое воскресенье—9-ое января 1905 г., когда направлявшийся к царю с просьбой «помочь и рассудить» народ был встречен пулями, штыками и нагайками,—открыло уши глухим и глаза слепым. Между царем и народом зияла теперь пропасть.

Борьба началась.

То тут, то там вспыхивали забастовки. На улицах городов воздвигались баррикады. Крестьяне захватывали барские имения. В войсках солдаты все больше задумывались над своей ролью палачей. В июне броненосец «Потемкин» на Черном море выкинул красный флаг. Правда, не добившись поддержки остального флота, он был покинут в Румынском порту командой и снова доставлен Румынией царскому правительству.

Каждый день приносил новые тревожные и будоражащие известия.

В о т Л о д з ь. Польский город, тогда подвластный, как и вся Восточная Польша, царю, он являлся местом расцвета текстильной промышленности. Адские условия царили на лодзинских фабриках. Лодзинские рабочие покинули работу, требуя справедливых условий труда. По городу рыскала полиция и казаки. Рабочие должны были день и ночь скрываться на замерших фабриках: дома и на улицах их ждала расправа. Наконец, рабочие вышли на улицу. Там их встретила конница. Похороны жертв, на которые собралось два десятка тысяч рабочих, были снова атакованы казаками.

В городе разгорелась настоящая война.

На следующий день рабочие избивали жандармов и полицейских. Ночью город покрылся баррикадами. С каждого чердака и с каждой крыши отбивались рабочие от наседавших войск. Четыреста человек пало в эти дни на улицах Лодзи.

В П р и б а л т и й с к о м к р а е, Закавказьи, на юго-востоке, Иваново-Вознесенске—всюду прокатилась волна мощных забастовок. Каждая из них сопровождалась стычками с казаками и полицией. Похороны жертв везде являлись огромными демонстрациями рабочих, клявшихся мстить за погибших и продолжать их дело.

* * *

Китайские крестьянские ребята.

Но вся эта вереница забастовок меркнет перед великой октябрьской стачкой.

Началось с железной дороги.

В П е т е р б у р г е (так тогда назывался Ленинград) заседал делегатский с'езд железнодорожников. Созван он был официально для пересмотра устава о пенсиях. Но не пенсиями пришлось ему заняться. Делегаты рабочих стали обсуждать такие вопросы, как: восьмичасовой рабочий день, освобождение всех осужденных революционеров, созыв учредительного собрания. Последнее требование звучало об'явлением смертельной войны самодержавию.

Железнодорожники чутко прислушивались к с'езду. Но одни разговоры их не успокаивали. Они хотели действия, борьбы, наступления на царизм.

7-го октября по Москве пронесся слух, что делегаты железнодорожного с'езда арестованы. Этот слух опровергли сами делегаты, но сдержать массу уже нельзя было. На Московско-Казанской железной дороге была об'явлена забастовка.

На завтра присоединились Московско-Архангельская, Московско-Курская и т. д. 12 октября стал Петербургский узел. Через десять дней заба-

стовка охватила всю сеть русских железных дорог протяжением более 40 тысяч километров с 750 тысячами рабочих и служащих.

Вслед за железной дорогой приостановили работу и во всех крупных городах. Не только рабочие покидали свои станки; служащие многих учреждений присоединились к борьбе против ненавистного всем самодержавия. Забастовали даже некоторые школы.

Жизнь всей страны была заторможена.

В Москве стало не хватать продовольствия. Среди буржуазии происходила паника: всеобщая забастовка поставила ее лицом к лицу со всей мощью рабочего класса. Дело дошло до того, что министры не могли попасть к царю по железной дороге. Пришлось вспомнить о лошадях, вернуться к этому старинному способу передвижения.

Тысячные рабочие митинги бурлили по всей стране.

Правительство, чувствуя свое бессилие, начало заговаривать с забастовщиками. К царю денно и нощно ездили министры; старые волки ломали голову над тем, как прекратить стачку, но не находили выхода. Правда, во многих городах в кровавом поединке войска правительства разгромили рабочих, но стачка от этого не прекращалась. Сила была на стороне рабочего класса.

Скрипя зубами, царь решился на уступки. 17-го октября был об'явлен манифест, в котором обещались всяческие свободы и созыв государственной думы из депутатов народа.

Рабочий класс одержал победу.

Но задача революции этим не была решена.

* * *

Владимир Ильич писал, подводя итоги великой октябрьской стачке:

Мы имеем полное право торжествовать. Но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Самодержавие отступило, оставив неприятелю поле сражения, но оно далеко еще не разбито, оно собирает еще свои силы.

В самом деле. Едва только оповестили манифест о «царских милостях», как под руководством любимца царя генерала Трепова по всей стране начались погромы. Били евреев. Убивали студентов, интеллигенцию, рабочих. Хулиганы, разгуливая с портретами царя, убивали всех, кто был на замечании у полиции, громили рабочие собрания, грабили частные квартиры. В случае сопротивления со стороны жертв—им спешила на подмогу полиция. С 18 по 24 октября погромы произошли в 101 русском городе. За эти семь дней было убито 3.000 и ранено свыше 10.000 человек.

Такими оказались обещанные царем свободы. Рабочему классу нужно было готовиться к новым и новым боям с вероломным правительством.

С картины худ. Карпова «1905 ГОД». Раздача оружия на баррикадах.

На фотографии изображены: (слева направо), вице-президент Академии Наук В. А. Стеклов, президент А. П. Карпинский и непременный секретарь С. Ф. Ольденбург.

А. Маслов

АКАДЕМИЯ НАУК

В мутные воды Невы, протянувшись серой громадой по берегу, глядится величественное здание. Это—Академия Наук.

Академия Наук в текущем 1925 году празднует двухсотлетнюю годовщину своего существования.

Двести лет—большой срок... Много перемен произошло в течение их на огромном пространстве нашей страны, многому свидетельницей была Академия Наук.

Двести лет назад наша страна была еще совершенно дикой.

Во главе всего государства стоял царь; около него—бояре, а над ними «черный народ». Стоном стонала земля от гнета, который давил многомиллионную массу крестьянства. Все крестьяне были «крепостные», т.-е. целиком принадлежали боярам или царю. Крестьян можно было продавать, обменивать, пороть, даже убивать.

И молчала темная, неграмотная крестьянская масса; лишь изредка грозно вставала она и начинала крушить своих врагов-недругов тех, кто на крестьянском горе и труде жирел и богател.

В то же время росли и крепли соседние государства; в них развивались наука и техника; они становились, благодаря этому, сильными и поэтому могли быть угрозой для задавленной царем и боярами невежественной России.

И уже тогда, больше двухсот лет назад, многие иностранцы приезжали в Россию и поражали своими знаниями, образованностью, уменьями и искусством русский народ. Уж тогда в Россию из заграницы привозили всякие товары, привозили пушки и ружья, все, чем сильно всякое государство.

Вполне понятно, что при любом столкновении темной, неграмотной России с образованными соседями с Запада перевес должен быть на стороне последних.

И вот при царе Петре 1-ом началось переустройство русской жизни. Сам царь ездил не раз заграницу, смотрел, как живут иностранные государства, и устанавливал новые порядки у себя в России.

И вот, по образцу западных стран, сперва в Москве, а потом и в других городах, стали утверждаться училища, где обучались русские юноши разным наукам. Многие из них посылались и заграницу, и оттуда они привозили, кроме знаний, еще и новые взгляды на жизнь.

А чтобы поставить науку в России на прочную ногу, чтобы наука могла и в России развиваться, была учреждена русская Академия Наук.

Но кто работал бы в ней, кто мог бы вести научные занятия, если русские люди, даже из придворных бояр, были почти неграмотны.

Пришлось привлекать из заграницы иностранных ученых. Но и это было трудным делом.

Что говорили тогда на Западе о России, каково о ней было мнение? Вот какое мнение было тогда у иностранцев о России.

Страна дикая, где солнце редко выглядывает на небо, где снег сплошным покровом одевает и села и города в течение многих месяцев, где медведи ходят по улицам.

Как рискнуть, как поехать туда?

Нужно было иметь большой запас смелости, хладнокровия, чтобы за тысячи верст, на лошадях, в неудобных экипажах ехать в неизвестную страну.

А что ожидало ученых здесь, в России?

Они приезжали в новый город—Петербург, только что выстроенный на гнилом, болотистом берегу Невы. Редкие домики, по большей части одноэтажные, правильными рядами были разбросаны по островам Невы. Топкая, нездоровая почва, хмурое слезливое небо, чахлая растительность—вот природа нового Петербурга, того самого Петербурга, который лишь незадолго был основан и начал отстраиваться.

И никаких условий для научной работы. Не было ни книг, ни лабораторий, ни сносного помещения.

Но жажда деятельности, стремление строить на новом месте науку, тянули видных ученых сюда, в дикий край. И они с невероятным трудом закладывали первые камни фундамента, на котором должна была расцвести русская наука.

Но с большим трудом шло это дело. Правительство русское мало обращало внимания на молодую Академию Наук.

Часто нуждалась она в самом необходимым. Подолгу ученые академики не получали жалованья, средств на производство всякого рода опытов и исследований не отпускалось, дошло дело даже до того, что *«едва не все при Академии Наук обретающиеся*

служители вместо исправления своей должности и надлежащей работы, для нужного пропитания по миру ходить и время свое прошением милостыни препровождать принуждены». Так писал царице один из начальников Акедемии. Но время шло, средств для существования Академии не отпускалось, работа в ней приходила в упадок. Уже некоторые ученые Академии уехали к себе домой, заграницу, а многие подумывали об этом. И опять приходилось напоминать царице и ее правительству о том, что Академия *«ежели скорой помощи не получит и не приведена будет в надлежащее и определенное состояние, то имеет без сомнения разрушиться».* И лишь после настойчивых, повторных не один раз просьб и напоминаний деньги отпускались, и жизнь Академии снова начинала бить ключом.

Сверху: вид здания Академии Наук в 18-м столетии.

Внизу: зал библиотеки Академии Наук.

Особенно оживилась работа Академии, когда в нее вошел первый русский человек, ученый Михайло Васильевич Ломоносов.

Судьба этого замечательного человека очень интересна.

Он родился на дальнем севере, в Архангельской губернии; научившись читать, он наизусть выучил те книжки, которые он мог достать в своей глухой деревушке. Но ему этого было мало. И он отправляется с первым обозом в Москву, где с невероятными трудностями поступает в школу. Из школы его, как лучшего ученика, направляют учиться дальше. Затем его отправляют заграницу, а оттуда он возвращается уже знающим, ученым. В России он вступает в Академию Наук, где ведет много научных работ в разных областях, преподает в университете. Работы Ломоносова до сих пор еще имеют большое значение в таких науках, как физика и химия, где он указал на несколько важнейших законов. Но в то время его деятельности в Академии не было полного простора. Ему все время мешали, не давали средств на производство исследований, всеми силами старались оттеснить его на задний план. Во время пребывания Ломоносова в Академии ею управлял один молодой человек—двадцатидвухлетний граф Разумовский. Что это было за управление, когда этот самый граф Разумовский ровно ничего не понимал в науках. Конечно, в это время большим значением пользовались те, кто умел войти в милость этого невежественного человека, чем тот, кто своими работами способствовал процветанию науки.

Двадцать-три года проработал Ломоносов в Академии и за это время он своими учеными трудами поставил русскую Академию Наук наравне со старыми академиями Германии, Франции и других Западных стран.

Но порядки в Академии Наук оставались прежние: царскими распоряжениями назначались туда президенты (начальники), ничего в науках не смыслящие, старавшиеся только о том, чтобы как-нибудь урезать, сократить работу Академии.

И все же, несмотря на постоянную нужду в деньгах, несмотря на постоянные помехи со стороны правительства, Академия Наук вела большую работу.

Уже восемь лет спустя после своего учреждения, Академия Наук принимает участие в знаменитой экспедиции Беринга по исследованию Сибири и Камчатки; в это путешествие были исследованы берега Сибири и Камчатки, открыт пролив, известный и до сего времени под именем Берингова пролива. Результатом этого путешествия было подробное описание Камчатки, сделанное молодым русским ученым Крашенниковым.

Академией Наук много раз снаряжались и самостоятельные путешествия для исследования разных частей страны; так, например, отправлялись экспедиции для изучения Сибири, Кавказа, отдельных мест России. Известна, например, экспедиция Адамса, который во льдах Сибири нашел замерзший и хорошо сохранившийся труп мамонта.

При Академии Наук постепенно возникали различные научные учреждения, которые также занимались исследованиями. Так, одним из первых научных учреждений при Академии Наук была знаменитая «Кунсткамера». Учрежденная еще Петром I, она впоследствии перешла в ведение Академии Наук и представляла из себя собрание различных редких предметов из области техники, искусства, природы. При Академии Наук постоянно действовала библиотека; затем возникли химическая и физическая лаборатории, которые в настоящее время превратились в физический и химический институты.

Большой известностью пользуется главная физическая обсерватория (в Пулкове), которая ведет большую работу по изучению небесных светил.

Академия Наук вела работы по изучению животных в физиологической и зоологической лабораториях, зоологическом музее, зоологическом саду; вела работы по изучению растений в целом ряде научных учреждений (лаборатория по анатомии и физиологии растений, ботанический музей, ботанический сад), а также по изучению человека.

Огромную работу проделала Академия Наук по изучению земли; в ней собраны образцы всех горных пород и минералов, из которых состоит наша земля, тут ведутся исследования этих минералов, изучаются их свойства и особенности и изыскиваются способы их практического применения в жизнь.

И, несмотря на то, что Академия Наук охватывает в своих исследованиях все области науки, многие русские первоклассные ученые все же не были академиками. Так, например, известный русский ботаник, профессор К. А. Тимирязев, не был членом Академии Наук.

Почему?

Потому, что он был ученым-революционером, потому, что царское правительство в Академию Наук допускало лишь людей, которые были ему угодны. Тимирязев не был таким. И поэтому Тимирязев не был академиком.

Что же из себя представляет Академия Наук в настоящее время?

В настоящее время Академия Наук представляет из себя учреждение, в котором люди занимаются наукой. Для этой цели Академия располагает большим количеством всевозможных лабораторий, музеев, институтов, садов, станций. Везде идет большая и важная работа.

Остановимся на некоторых из отделов Академии.

Вот лаборатория академика Павлова.

Здесь ведутся интереснейшие опыты над животными. Академик Павлов исследует работу головного и спинного мозга животных (собак), и за его опытами с огромным интересом следят крупнейшие ученые как в СССР, так и заграницей. И только при Советской власти академик Павлов имеет полную возможность широко развернуть свои опыты.

Вот комиссия по изучению естественных производительных сил нашей республики.

Она ведет огромную работу по изучению богатств, которыми обладает природа СССР. И все внимание этого изучения направлено к тому, чтобы богатства эти не лежали мертвым капиталом неисследованными, а разрабатывались, превращались в полезные предметы и вещи с тем, чтобы в СССР жизнь сделалась легче.

Важную и интересную работу ведет этнографическое отделение Академии. Оно изучает состав населения всего СССР. При этом открывает такие народности, о которых никто еще никогда не слыхал. Оказывается, что на необ'ятном пространстве великого Союза живут и такие, еще неизвестные народности.

Много других учреждений имеет Академия Наук и все они привлекают к себе неизменно внимание всего мира. Недаром ко дню юбилея Академии она получила со всех концов света поздравления и подарки.

И не нужно забывать одного, что наука может развиваться и крепнуть только при условиях, которые предоставляет ей Советская власть. Достаточно напомнить, что на содержание Академии Наук отпускаются весьма значительные средства, что помещения Академии Наук увеличены почти в три раза по сравнению с теми, которыми она обладала до войны, что, наконец, в Академию Наук введены после революции новые члены, известные русские ученые, которые своей работой способствуют процветанию науки СССР.

Теперь во главе Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик стоит гордость русской науки—академик Карпинский, известный своими важными работами в области изучения ископаемых, окаменелых животных.

Его помощником является ученый математик, широко известный своими работами не только у нас, но и заграницей,—академик Стеклов. Наконец, секретарем Академии Наук является академик Ольденбург, крупный ученый и горячий сторонник Советской власти.

Академия Наук теперь является не игрушкой в руках всяких сиятельных невежд, а важным орудием против невежества и некультурности. И пионеры СССР в дни юбилейных торжеств вместе со всеми трудящимися приветствуют Академию Наук, как важнейший очаг культуры в нашей великой стране.

А. Маслов

ЧТО ЧИТАТЬ

«ИЛЬИЧАТА»

(Пионерская живая газета. Стр. 73. Издание Всероссийского Пролеткульта).

Вот веселая пионерская живая газета. В каждом отряде нужно ее поставить.

Делится она на восемь отделов: — 1. Выход, 2. Передовица, 3. Пионер в дом-быту, 4. Общественная работа пионера, 5. Радио, 6. О лагерях, 7. Что читать пионеру и 8. Заключение.

Если всю газету целиком поставить, будет трудно, но можно, слегка изменив текст, ставить некоторые отделы самостоятельно.

Начинается она под музыку, парадом «Ильичат»—участников газеты.

Здравствуйте, здравствуйте
Здраствуйте, ребята!
Мы, как и вы, РКП внучата.
Наши звенья: комсомол и смена.
Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте...

По этой газете нужно учиться самим делать спектакли на отрядные темы.

Если будете ставить эту пьесу, пишите в «Пионер», как она у вас прошла, присылайте фотографические снимки.

Книжка стоит 75 коп.

„ЗДРАВСТВУЙ ЖИЗНЬ"

(Стихи А. Жарова, изд. «Молодой Гвардии»)

В этой небольшой книжке собраны все стихи, написанные для пионеров комсомольским писателем Александром Жаровым.

Стихи Жарова всегда радостны и бодры. Это настоящие звонкие пионерские песни.

Одно из самых лучших стихотворений в сборнике и, пожалуй, вообще одно из самых лучших о Ленине, посвящено переименованию пионеров.

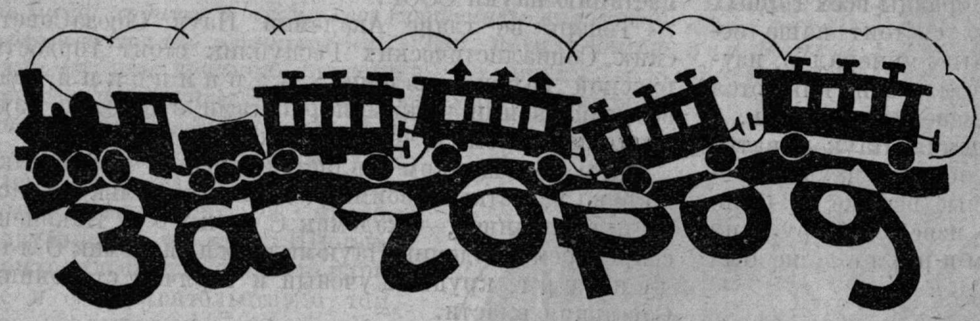

Борьбою вспенены,
Всю жизнь с'умеем мы
Отдать борьбе.
Мы дело Ленина
И имя Ленина
Берем себе...

Стихи этого сборника удобно читать вслух (декламировать) на клубных вечерах и т. п.

Книжка стоит 30 коп. Она опрятно напечатана, с рисунками в тексте.

Над. Ландская *Рис. В. Сутеева*

I

День был яркий. Солнце пело.
Сердце воли захотело,
Свежей травки, пчел, жуков,
Дачных взгорков да мостков,
Полевой пахучей шири,
Песни, самой вольной в мире...
Вася радостно сказал:
Время сбору на вокзал.

II

Огласилась школа криком
Дружно, с хохотом и гиком
Мигом—все на тротуар.
Лента пестрых шумных пар,
Четкий говор барабана,
Как на полотне экрана
Пыльных улиц длинный ряд,
И по мостовой отряд.

III

Звон трамваев, шум движенья.
Крепче спайка. Стройны звенья.
Ярко знамя над толпой.
На вокзале—гул сплошной.
Но вольнее на перроне.
Врассыпную все... В вагоне
Пол гудит от быстрых ног.
Крик—ответом на свисток.

IV

Зазвенели стекла окон.
У Наталки взвился локон.
Столб фонарный промелькнул.
Жмется летний день к окну,
Улыбается простором,
И в стремленьи буйно скором
С паровозом наравне
Ветер скачет меж камней,
Вкруг машины воля пляшет,
Рукавом зеленым машет,
Улыбается дымком.
Речка. Дачи. Детский дом.
Так прошло минут с пятнадцать.
— Ну, ребята, выгружаться!
На платформу—как горох.
Поезд вдаль. Ребята—в мох.

V

Сосны пахнут. Зной струится.
Яркий свет ковром ложится
В гущу темную стволов.
Столько бодрых, шумных слов,
Скокотни и оживленья!
Разгорелись наши звенья
Блеском глаз, румянцем щек.
В травы—бух... С пригорка—скок.

VI

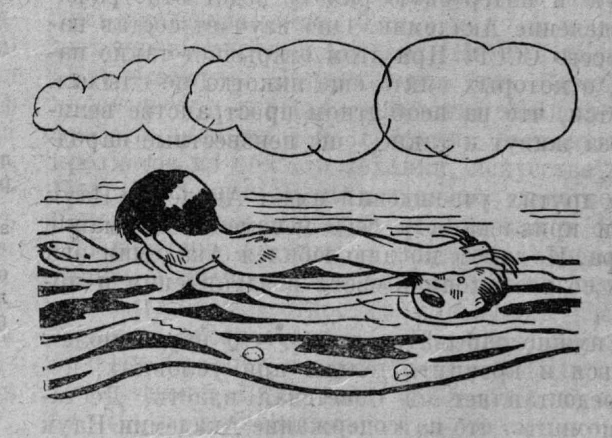
Тот за пчелкой. Эти—в лежку.
Петя вышел на дорожку,
А на ней в гнезде кричат
Трое маленьких галчат.
Окружили. Поглядели,
—Гибнуть, что-ль им, в самом деле?
Подставляй, Сергей, плечо!
Только-б выдержал сучок!

VII

И гнездо на месте снова.
Солнце жжется. Даль лилова.
Пар прозрачный вдалеке.
— Что-б, ребята, нам к реке?
По просеке, после лугом,
Через мостик, друг за другом.
На песке как хорошо
Поваляться голышом!

VIII

Отдохнуть—и в воду. Ну-те?
Только что там?.. Верно шутит?
То всплывет, то вновь ко дну.
Вдруг по детски так „То-о-ну“...
Голос, полный страха, боли
— Дурака валяет что-ли?
Только миг прошел... другой...
Не всплывает над водой.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Е. Теремякина.*
ОТВ. РЕДАКТОР *Х. ДОБИН*

Главлит № 45.301. 5-я тип. „Транспечати“ НКПС „Пролетарское Слово“, Южный пер. д. 4. Тираж 30.000.

IX.

Пионер в беде не струсит.
Много бритых, черных, русых
Над водой всплыло голов.
В миг беды—всегда готов!
Вглубь ныряют, ищут ловко
И лохматая головка
В крепкой Васиной руке!
Шум и крики на реке.

X.

Люди в воду. Кто с баграми.
— Ай, спасли? Ребята? Сами?
— Вот так нашинским пример!
— Вот тебе и пионер!
Бабы простыни достали.
Сами девочку качали.
Как пришла в себя—рыдать,
А над ней голосит мать.

XI.

Рассмеялся первым Вася.
Смех какой беды не скрасит?
— Ну-й волосья!.. Как трава.
— Будя, тетка! Вишь—жива?
Тетка Васе бух на плечи:
— Наградить-то мне вас нечем!
— Ладно... Вот: замест наград—
Записать ее в отряд...

ОТВЕТЫ НА СТИХИ

Константину Реутому г. Камышлов, К. Махрову, Пинкину, Коле Борщеву (Ростов на-Дону), Н. Коровнеченко (Адыгея), Алеше Агитатору (село Заветное), Александру Иванову (Алтай), Брокману (Москва), П. Штернову (Слуцк, Белоруссия), Борису Колпакову (Муром), И. Гису (Москва), М. Куприянчику (Севастополь), Шпеткору (г. Невель), С. Гольдину (Баку), Зине Сачевской (Москва) и пионерке Лене.

Все стихи, присланные этими ребятами, в «Пионере» не пойдут по многим причинам.

Стихи эти, конечно, первые опыты, некоторые совсем черновые: совсем не чувствуется, что парень над ними работал, сжился с ними, вдумался; они поверхностные; частенько набор фраз и лозунгов.

«Бодро, смело мы проложим
Путь-дорогу к ленинизму.
И всегда, где только можем,
Не уступим мы царизму»

пишет Алеша Агитатор.

Ну, и агитнул, хочет путь к ленинизму проложить и царизму не уступить. В чем же не уступят пионеры царизму— в тупости, мордобитии и прочем? Алеша, не подумав, написал. Так и другие частенько.

Или пишет Коля Кабанов про октябрят.

«Барабан стучит—Тра-ля,
Октябрята в лагеря.
Поправляйся, сил добудь,
Пионеру сменой будь».

Все стихотворение такое же трескотное и бессодержательное, хотя у него же есть стихотворение, где он описывает, как пионер вместо смычки, лазил по крестьянским огородам; оно интереснее, но он слишком «размазал». А это большой недостаток.

Часто ребята пишут подражания известным поэтам или на знакомые мотивы: «Провожала Ваню мать», «Расстрел коммунаров».

Получается всегда хуже подлинников, и печатать не годится. Взять, например, стихотворение К. Махрова «Жница».

...*«Потом покрыто у жницы лицо;*
С каждым взмахом все силушки меньше:
Зной нестерпимый, кусание мошек»...
Ноги не хочат стоять.

Совсем нескладуха. Прочтите у Некрасова «Мать», и вы увидите, что у него то же описано лучше.

Часто ребята пишут слащаво и для фразы.

«Недавно был он маленьким бродягой;
Выпрашивал и воровал.
Но вот попал он в детский дом,
И пионером стал»

пишет Брокман о беспризорном. «Теперь он носит красный галстук»—совсем паинька. Хорошо, если так, но неубедительно, не показано, да как же он превратился в этого «хорошего мальчика».

Стихи, это такие же пикорские корреспонденции, только написанные в более сложной и красивой форме. Они должны быть интересны, отделаны, продуманы. Нужно работать, а не строчить, что лезет в голову. Получается никому ненужное, неинтересное.

Кое-что у ребят удается: картинки природы, жизнь лагеря, работа в поле. Это печатается в «Пионере», хотя многое нет возможности пустить за недостатком места.

Цена 30 коп.

ЗАДАЧА № 8.

Из этих отрезков сложите рисунок, изображающий знак союза рабочих и крестьян.

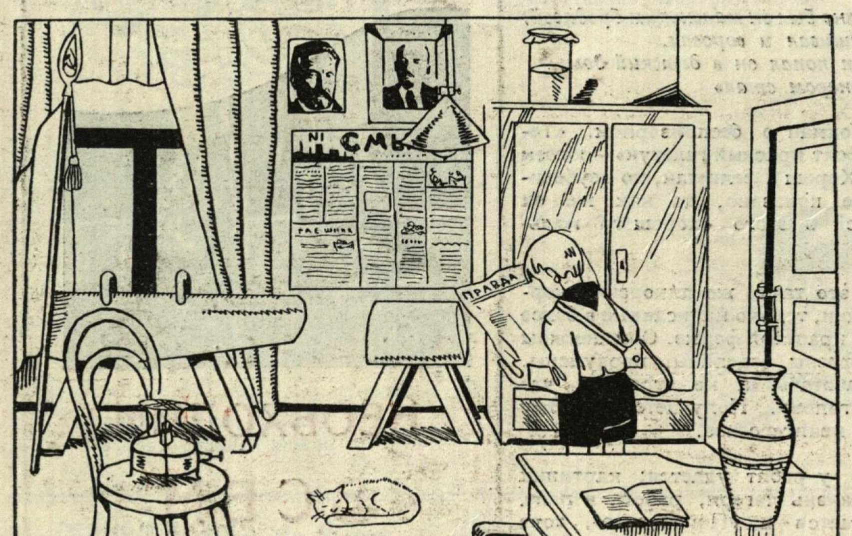
ЗАДАЧА № 9.

(Г. З.).

Если написать в известном порядке названия всех предметов, находящихся на этой картине, то 3-я буква от начала слова при чтении слева направо даст лозунг. Какой это лозунг и слова?

Правильные решения задач, помещенных в № 15, первыми прислали:

Г. Гинзбург, Долинин П., Белокуров В., Полис Г., Карухин В., Власов А., Грузиков, Е. Сергеева, Трахтенберг, Шапиро М., Былевский А., Шевченко П., Муратов А., Кузьмина М., Халатурьян В., Малахов, Иванов М., Ярикова А., Копыловский, пионеры Гродненского отряда Петрушов В., Кудрявцева Г., Прядильщиков В., Соболев.

Задача № 9

ОТВЕТЫ ПИКОРАМ.

В. Сецинскому (с. Баз-Карабулак).—На все свои вопросы найдешь ответ в прежних номерах журнала,—читай внимательней.

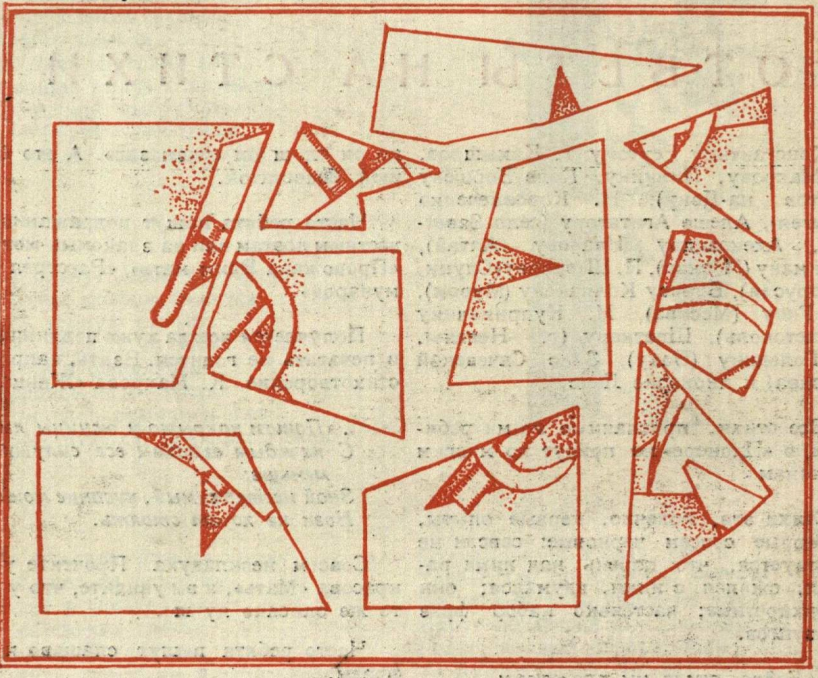
В. Ужову (Пенза).—В ближайших номерах журнала будет дано, как организовать и вести стенгазету.

Юрию Дерешкевич (г. Шарья). — Рассказ «Месть» напечатать не можем, едва ли у всех так бывает, и было ли это действительно? Пиши еще, бери темы такие, которые более волнуют сейчас пионеров. Старайся писать вдумчивей, работай и побольше читай.

Лене Вилкомиру (г. Москва).—Помести в стенгазету.

Пикору Скобенко (Владикавказ),—**Октябрю, Макарову, Кузнецову и Свету** (Владикавказ).—Очень хорошо сделали, что прислали мнение ребят о журнале, о том, что в нем плохо и что хорошо. Когда все пикоры будут так относиться к своему журналу, то ему легче будет держать правильный курс.

Кожало (г. Бирзула АМССР). — О лагере поздно. Снимки — часть используем. Беда в том, что они туманны и плохо выйдут в журнале. Ждем материала свежее.

Задача № 8

Пионеру Ясногородскому (Саратов). — Вопрос, затронутый тобою, относится к журналу «Вожатый».

Трудолюбу Золоеву (Северо-Осетия).—Заметка плохо написана, неинтересно, не пойдет.

Пикору Н. Борщеву (Ростов-на-Дону).—Заметка не пойдет, ты в ней говоришь о многом, но все только перечисляешь, а не даешь понятия о вашей работе. Дай часть работы, но картинно и ясно.

Голубкову (ст. Званка, Волховстрой), **Гуляевой** (Волховстрой), **Пикору Ольге М.** (г. Россошь), **Ирке А.** (Сочи), **Анат. Попову** (Воронеж), **Александру Федотенко** (Ракитянский сах. завод), **Звену «Работница»**, **Я. Исину** (ст. Сходня Алексеевская колония), **Мите Чернову** (ст. Вавилово).—Слишком запоздало—не пойдет.

Л. Булановой (село Таллы, Самарской губ.)—Пьеска мало интересна. действительного понятия о прежней жизни рабочих и подпольной работе не дает. Ставить в отряде можно, но печатать—нет. Почитай воспоминания старых партийцев и ты поймешь. почему твоя пьеса плоха.